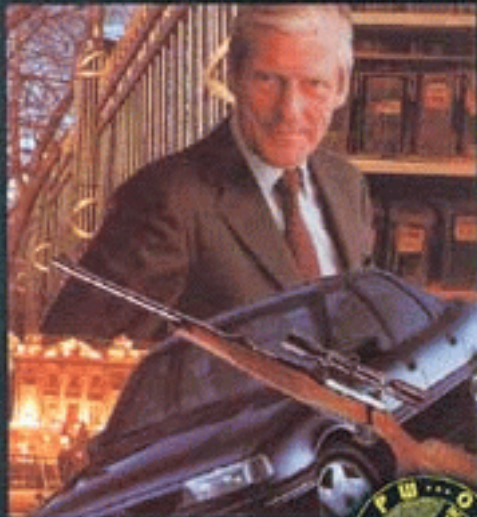

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Заговор генералов

Фридрих Евсеевич Незнанский
Заговор генералов
Серия «Марш Турецкого»

From FIDO
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146064

Аннотация

В Российской государственной библиотеке происходят непонятные и трагические события: гибнут сотрудники, пропадают бесценные книги и рукописи. Расследование, которое поручено группе `важняка` Александра Турецкого, показало, что преступники с неуклонным постоянством убивают и убийц сотрудников библиотеки. И никому не приходит в голову, что эти события тесно связаны с подготовкой государственного переворота.

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	8
Глава 2.	16
Глава 3.	34
Глава 4.	46
Глава 5.	55
Глава 6.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Фридрих Евсеевич Незнанский

Заговор генералов

Пролог

В двенадцатом часу, незадолго до полуночи, с ярко освещенной кольцевой автострады пошла на съезд вправо, в темноту, большая, сверкающая лаковыми бликами машина весьма престижной марки «линкольн», сопровождаемая громоздким джипом. Караван из двух автомобилей проехал еще с километр и, высветив мощными фарами указатель с комичным названием «Мамыри», остановился. Фары тут же погасли, и остались лишь гореть габаритные малиновые светлячки. Немного света, скорее чисто условного, добавляли редко расставленные фонарные столбы: здесь уже не столица, здесь – область, поэтому и подход к уличному освещению – иной. Экономный.

Из джипа вышли двое мужчин и неторопливо, с достоинством, прошлись вдоль обочины: взад-вперед.

На вершине холма, вдали, возле поселка Газопровод, подсвеченная снизу прожекторами, заморским видением сверкала стеклянная пирамида – очередное детище неутомимого Газпрома. Оттуда же, с холма, ведомая милицейской мигалкой, спускалась цепочка огней.

Фары «линкольна» дважды вспыхнули и погасли. Между тем вереница автомобилей неспешно приближалась. Время позднее; Калужское шоссе, вытекающее из Профсоюзной улицы, пустынно; ехать из Москвы на ночь глядя, тем более в будний день, дураков не сыщешь. Поэтому, если поглядеть со стороны, место для «стрелки», или «разборки», выражаясь языком организованных преступников, на который, кстати говоря, охотно перешли сегодня и российские политики, и творческие работники, и просто шлюхи обоих полов, а также среднее между ними – транссексуалы, транвеститы и прочая газетноафишируемая публика, считающая, что именно она и есть основной субъект «светской жизни», – так вот, место было выбрано идеально: хочешь – ведем переговоры, хочешь – «мочи» беспощадно. И милицейская мигалка, поди, настоящая, она необходима, чтобы вовремя просигнализировать: атанда! На случай чего...

Но главные лица, сидящие в двух «представительских» автомобилях, были настроены, в общем, вполне благожелательно друг к другу, а многочисленная охрана – это так, для внешнего лоска, для престижа, как, впрочем, и автомобиль ГАИ вместе с командой, олицетворяющий новую российскую законность.

Этот последний, проскочив немного вперед, ловко перекрыл шоссе. Идущий следом серебристый «линкольн» – чем мы хуже! – легко нарушил правила движения и, перейдя на встречную полосу, уткнулся почти нос в нос своему темному собрату. В хвост ему зарулили два джипа, из которых, словно горох, посыпались «мальчики», вмиг окружившие машину хозяина.

После короткой паузы хлопнули две дверцы и из «линкольнов» навстречу друг другу двинулись двое: один – немного выше среднего роста, стройный, второй – пониже, но более широкий в плечах и прихрамывающий в шаг.

Молча пожали протянутые руки. Первый насмешливо хмыкнул:

– Чего это ты демонстрацию устраиваешь?

– Ты ж не пожелал в гости. – Широкоплечий медленным жестом руки показал за спину, где на холме, правее пирамиды Газпрома, светились огни поселка, состоящего из многочисленных трех-и более этажных коттеджей. – Встретил бы как доброго товарища. Сам захотел этот цирк. Ну, слушаю, выкладывай, зачем я нужен...

– Пойдем ко мне в машину. Да не бойся, – заметив некоторую нерешительность, добавил первый.

Его собеседник пожал плечами и пошел следом к черному «линкольну». Шофер открыл им задние дверцы, захлопнул и вместе с охраной отошел в сторону.

Хозяин автомобиля открыл мини-бар, переливающиеся цветные огоньки которого высветили его лицо – скуластые щеки, светлые брови – и коротко подстриженные седеющие волосы, а также нахмуренное, с глубокими темными тенями под глазами и крупным мясистым носом лицо гостя.

– Что хочешь выпить?

– Спасибо, от стола... Впрочем, от боржомчика не откажусь.

– Похолоднее? Или как?

– Да любой давай, – недовольно прохрипел гость. – Что ты тянешь кота за хвост!... – Приняв от хозяина бокал с пузырящимся боржомом, отхлебнул шумно и отставил на столик бара. – Ну?

– Помощь твоя нужна, – как бы между прочим бросил хозяин.

Угрюмый гость лишь иронически хмыкнул:

– И во что ценишь?

– Тебе судить – твое и слово... – Хозяин машины вынул из кармана пиджака сложенный вдвое листок, держа его между указательным и средним пальцами, церемонно протянул гостю.

Тот взял, развернул и подался ближе к свету. На листке бумаги синим фломастером были написаны несколько фамилий и адресов. Прочитал, сложил. Стал задумчиво глядеть на мигающие огоньки бара.

– Странный какой список, – сказал наконец, не скрывая насмешки. – С кем войну затеял, орел молодой!

– У каждого своя война... Так сколько?

– Да ты уж, поди, и сам-то просчитал? И кейс наполнил, так? Не ошибаюсь?

– Наполнил.

– Ну вот и давай его сюда. А сроки – как всегда, вчера?

– Можно и завтра.

– Спасибо, барин, – снова усмехнулся гость, причем, несмотря на ернические интонации, выражение его лица оставалось по-прежнему хмурым, если не сказать угрюмым. – Отчего же такая немилость, коли не секрет?

– Меньше знать – дольше жить чей принцип?

– Ну, мой... Но ты не сказал об условиях.

– Условия? – Хозяин ненадолго задумался, тоже отхлебнул боржомом. – Знаешь, как у новичков бывает? Там – прокол, тут – прокол...

– Ага, и хрен чего найдешь, так?

– Примерно. Лучше, конечно, вообще ничего не найти. Ни одного, ни другого.

– Вон ты как вопрос ставишь!... Дорогое удовольствие.

– За то и плачу

– Ладно, – буркнул гость, взял со столика листок бумаги с фамилиями, увесистый кейс и открыл дверцу автомобиля. Щелкнул двумя пальцами.

К машине тут же подошел один из охранников, протянул руку, принял от своего хозяина кейс и пошел к серебристому «линкольну».

Угрюмый между тем допил боржомом.

– Ну так что, не переменил решения? Может, все-таки заедешь, там банька готова...

– Спасибо, еще дела есть.

– Гляди, так и помрешь за делами-то. Э-хе-хе!... Грехи наши... Прощай, значит, пока, орел молодой. Зря отказываешься. Когда еще случится так близко оказаться!

Угрюмый легко, по-юношески выпрыгнул из машины и словно растворился в ночи. Через минуту разом вспыхнули фары трех машин, автомобили подались назад, все вместе картинно развернулись на узком шоссе и быстро умчались в сторону холма.

– Домой, – устало сказал хозяин темного «линкольна».

– Вы просили напомнить... – начал было водитель.

– Домой! – еще тверже бросил хозяин...

А в серебристом «линкольне» шел свой разговор.

Угрюмый его хозяин повернулся к сидящему слева охраннику и, включив боковую подсветку, положил на кейс давешний листок чистой стороной вверх.

– Ну-ка, Ленечка, черкни, дружок, кого нам не жалко.

Охранник молча достал из кармана огрызок карандаша и не очень уверенно написал пяток фамилий. Угрюмый надел очки, прочитал, забрал огрызок, вычеркнул две фамилии и, отдавая его охраннику, на оставленные показал пальцем:

– Этих в баньку пригласи. Нынче же, – а листок аккуратно сложил, затем перегнул пополам и спрятал во внутренний карман теплой вязаной кофты.

Следующей ночью в собственной квартире в доме в Zubовском проезде был убит начальник вневедомственной охраны Российской государственной библиотеки. Ивана Кирилловича накануне вечером видела соседка, даже поболтала немного, хотя Калошин был человеком малоразговорчивым и вообще со странностями – не по делу грубым, нелюдимым, некомпанейским. Пьяным его тоже никто не видел. Тем не менее милиция и дежурный следователь, прибывшие по сигналу соседей, утром обнаруживших распахнутую дверь, труп Калошина и следы черной, иначе не назовешь, пьянки на кухонном столе, не смогли обнаружить никаких следов присутствия посторонних. Можно было подумать, что начальник охраны, надравшись в одиночестве вусмерть, сам покончил счеты с жизнью, прострелив себе висок из собственного «макарова», который валялся возле ног покойника.

Оказалось, что и горевать-то особо по усопшей душе было некому. Бойцы охраны не сильно жаловали настырного и упрямого в своих требованиях начальника. Другие сотрудники библиотеки мало его знали в силу понятных причин: ничего, кроме неприятностей, от него ожидать не приходилось. Начальство, как обычно в подобных неясных случаях, многозначительно пожало плечами и выделило деньги на похороны. Остальные, скинувшись помалу, добавили на цветы, ленту с надписью: «От сотрудников» и скромные поминки в кафе на Крымской площади.

Дело о самоубийстве, не получив дальнейшего продолжения, повисло, готовое быть прекращенным в ближайшее время или остаться «висяком», как сотни других, ему подобных. Время суицидов, что еще скажешь...

И только один человек имел на этот счет свое особое мнение. Старший научный сотрудник Марина Борисовна Штерн, услышав о странной смерти Калошина, вздрогнула, неестественно белая от природы кожа ее лица побледнела до синевы, Марина бросила сквозь стиснутые зубы непонятно кому адресованное слово: «Началось!» – и умчалась в приемную директора. Но тот не принял ее: то ли занят был с иностранцами, то ли уезжал на какое-то срочное совещание в министерство, то ли просто не пожелал – секретарша лишь беспомощно развела руками, демонстрируя собственное бессилие оказать какую-либо помощь.

Покидая приемную, Марина громко заявила, надеясь, что будет все-таки услышана за двойной дверью:

– Этого я им не прощу! Пока жива...

Следователя, у которого в производстве находилось дело Калошина, не оказалось на месте, и Марина попросила секретаря директора библиотеки отметить в амбарной книге, что завтра с утра она задержится, поскольку поедет в прокуратуру.

Больше в этот вечер ее никто на работе не видел...

Глава 1.

Пришла пора заканчивать затянувшийся визит в дальнее зарубежье. Командировка Александра Борисовича Турецкого, санкционированная лично... как сказали бы лет двадцать назад, и об истинной цели которой знал предельно узкий круг лиц из самого ближнего президентского окружения, больше не требовала его обязательного пребывания в Германии. Вот, собственно, о последнем и было сообщено соответствующим факсом, поступившим на имя Турецкого сегодня утром из Генеральной прокуратуры России, то бишь с горячо любимой, но уже подзабываемой за делами Родины.

Кстати о делах. Непыльная вроде работенка: читай себе лекции внимательным студентам, проводи практические следственные занятия, словом, передавай, как говорится, из рук в руки, из уст в уста все, что наработало самое прогрессивное человечество в области борьбы с преступностью, – и дело с концом. Ан нет, это только кажется, что все просто. Во-первых, сами студенты – народ необычный. В командировке Александра Борисовича как сказано? Чтение курса лекций в специализированном колледже. О правовом государстве, уголовном праве, уголовном процессе, предварительном следствии и следственной практике. На самом же деле это очень серьезная интернациональная секретная школа спецназа, созданная под эгидой ООН для борьбы с международным терроризмом. И лекции слушают не безусые юнoshi и волоокие девушки, а специалисты высокого класса – каждый, разумеется, в своей области. Поэтому сегодня ты можешь быть преподавателем-инструктором, а завтра – сам студентом. Напряжение, конечно, огромное, поскольку сведения даются в предельно сжатой форме и в совершенно невероятном для нормального человека объеме. Но в том-то и дело, что нормальных, в смысле – обычных, людей тут не было. А сами себя они называли «ребята из Пятого левела» Ибо языковой уровень общения здесь был самым высоким. Файв левел – пятый уровень. Для всех. Кроме Александра Борисовича, который все-таки считался больше преподавателем и практиком следственного процесса, да и сам полагал, что в его возрасте... хотя, может быть, с другой стороны... Никто особо не настаивал. Знания, опыт были гораздо важнее.

Но ничто не бывает бесконечным – ни радость высочайшего профессионального общения, ни идеальные условия, созданные в этом расчудесном альпийском городке Гармиш-Партенкирхене, где дважды уже проводились зимние Олимпийские игры, все кажется отмеченным печатью сытого, спокойного благополучия, а по улицам, чистым и уютным, бродят умытые здоровенные коровы, знающие свой дом. Факс недвусмысленно призывал домой. И хорошо, а то ведь от идеального порядка тоже устаешь. Особенно если ты русский человек и понимание «идеального порядка» у тебя может быть от рождения связано лишь с загробной жизнью. Исключительная благодать бывает, к сожалению, только на кладбище, как утверждал в свое время тезка Турецкого, поэт, похороненный на русском кладбище под Парижем.

Пит Реддвей, начальник «Пятого левела», крупный, грузноватый мужчина, сочетавший в своем характере крутую жесткость заместителя директора ЦРУ с якобы интеллигентской рассеянностью профессора Колумбийского университета, подержал обрывок факса перед носом, кинул на стол и, глядя на Турецкого в упор, пощелкал большим и средним пальцами, как бы вспоминая что-то важное. Вспомнил наконец:

– Отвальная. Так?

– Точно так, сэр, – хмыкнул Александр Борисович. – Когда прикажете?

– Приказывают тебе из Москвы. Я – советую. Не торопись. Ваши сперва порют горячку, так? Потом дают отбой. С довольствия – так? – не снимаю.

Питер, как и Турецкий, не считал необходимым утомлять себя постижением основных европейских языков на высшем уровне, но имел специфический интерес ко всякого рода русским идиомам типа «пороть горячку» и прочим оригинальным выражениям, коими богат язык.

Совет был, конечно, неплох, тем более что факс пришел за подписью Карасева, кадровика, и все это действо могло оказаться на поверку чистой формальностью: срок командировки – два месяца, они истекли. Изволь, Турецкий, либо прибыть, либо продлевать командировку у генерального. Вообще-то странно, в любом случае Костя Меркулов должен был бы знать об этом. А по факсу – не видно.

Полное разъяснение по части своих сомнений Турецкий получил лишь в самом конце дня, когда решил уже позвонить Косте домой. На работу звонить по этому поводу показалось почему-то не очень желательно. Но звякнул факс, установленный в апартаментах «господина профессора Александра Б. Турецкого», и из него лениво поползла глянцевая бумага. Текст на ней был странным, если не сказать более:

"Уважаемый Александр Борисович! Вашу просьбу о предоставлении Вам краткого отпуска без сохранения содержания сроком на 4 дня (19-22 ноября с. г.) руководство Генеральной прокуратуры РФ удовлетворило.

Замгенпрокурора по следствию К. Д. Меркулов".

Ниже приписка:

"Саша, в СМИ проскочили сведения, что у вас там интересные события и встречи намечаются. Поэтому естественно твоё желание побывать на семинаре, послушать, народ посмотреть. Клавдия Сергеевна кланяется.

Привет, твой Костя".

Вторая часть проясняла первую, однако, видимо, придется звонить домой секретарше Меркулова – Клавочке, даме строгой в рабочей обстановке и, вероятно, безудержно любвеобильной – в домашней. Но прежде всего следует знать, о каком семинаре речь идет у Кости. Просто так ведь никто командировку продлевать не станет. Тем более почему-то за собственный счет.

Сбегая по лестнице в холл, где находилась поступившая сегодня почта и пресса со всех концов мира, Турецкий прихватил несколько российских изданий и устроился в кресле в курительной комнате под большим хрустальным торшером. Интересующую его информацию он неожиданно обнаружил в «Известиях», в самом низу третьей полосы. Корреспондент ИТАР-ТАСС из Германии сообщал, что в небольшом баварском городке Гармиш-Партенкирхене, где расположен Европейский центр исследования проблем безопасности имени Дж. Маршалла, начинается работу международный семинар по проблеме, обозначенной как выработка схемы военно-политического статуса новых членов НАТО в свете общеевропейской безопасности. Ожидаются доклады генсекретаря НАТО, министров обороны США, Франции, ФРГ и ряда других стран. В качестве гостей приглашен бывший кандидат в президенты США Роберт Паркер и российский генерал Ястребов, находящийся в оппозиции к правительству РФ.

Не здесь ли собака зарыта? Если именно на это просит обратить пристальное внимание Костя, то ситуация может сложиться несколько пикантная: ведь как раз Ястребов вместе с Президентом России были самыми решительными сторонниками создания «Пятого левела» в Гармише. А теперь получится так, что в немалой степени и его детище должно выступить в роли, мягко говоря, наблюдателя за его действиями оппозиционера и... Вероятно, в этом самом "и" и кроется загадка. Что ж, надо звонить Клавдии Сергеевне. Раз Костя сослался на нее в факсе, значит, она и располагает необходимой для Турецкого информацией.

Качество телефонного разговора, если даже ты звонишь из альпийских предгорий в самый центр среднерусской равнины, гораздо выше, нежели, скажем, когда желаешь из

Москвы звякнуть в Малаховку. Турецкий это, естественно, отлично знал. И все же вздрогнул, когда услышал в трубке радостный, взволнованный голос Клавдии, причем так близко, будто она, дождавшись наконец прихода в гости Александра Борисовича, торопливо освобождалась в соседней комнате от всего лишнего, мешающего немедленной любви.

– Ой, я так рада, так рада, ты даже не представляешь, как я рада тебя слышать!

– Клавдия Сергеевна, что ж ты так несешься?! – пробовал урезонить Турецкий. – Между нами, между прочим, города и страны, параллели, понимаешь, и эти... меридианы. А ты так кричишь! Спокойно, едрена корень. Чего наш Костик-то хочет?

– Кос...? Ах он? Ну да, значит, слово в слово: «Хотелось бы побывать на встрече гостей». Последнее слово большими буквами. «Если не тот уровень, может быть, пятый поможет, поскольку дело общее». И еще такая фраза: «Им там нечего скрывать друг от друга». Вот и все... Ну как там у вас? – сказала вдруг сухо. – Вы получили известие, что вам продлили командировку? Правда, за свой счет, но что поделаешь, да? Значит, вы скоро приедете? А что передать Константину Дмитриевичу?

– Чего это ты ни с того ни с сего на «вы» заговорила? Или вошел кто? Мужа завела наконец?

– Ой, да ну что вы говорите, Александр Борисович! – замялась она.

– С тобой все ясно. А я так рассчитывал... Передай шефу: я все понял. Буду стараться. Что получится, не знаю. Там не наша епархия, могут и взащей вытолкать. Эх, Клавдия, а я тут сижу в одиночестве и нашу любовь вспоминаю. Изменщица ты!

Впрочем, у Турецкого не было никаких оснований ревновать эту незамужнюю, расплывшуюся к сорока пяти годам, но вовсе не растерявшую свои прелести женщину. Если уж кто-то и мог бы предъявить ему счет по этой части, то именно она. Лет с десяток назад случай подкинул им реальную возможность объединить обоюдные желания. Они едва не лбами столкнулись на выходе из прокуратуры: Клавдия – статная и рослая, с многочисленными кулками и авоськами и Александр – поджарый и готовый к подвигам, в привычной своей манере покручивающий на пальце брелок с ключами от машины. Было бы откровенным хамством не предложить ей свои услуги. И разумеется, было бы неверным жестом с ее стороны – не оценить его давнего интереса к своей особе. Все, казалось, уже на мази, но тут была допущена роковая ошибка. Мужчина изменил главному принципу всех революционеров и влюбленных – «Вперед, а там разберемся!» Женщина же – широко известной поговорке: «Куй железо, пока горячо». Словом, она... начала рассказывать о себе, а Турецкий – слушать. И вдруг совершенно неожиданно для себя, подобно острому, болезненному уколу, он ощутил к ней приступ почти сыновней нежности, который вмиг угробил все его возвышенные и нечестные помыслы. Клавдии оставалось лишь недоумевать, как это Александр Борисович умудрился «забыть» о каком-то экстренном задании Меркулова. Он торопливо застегивал рубашку, что-то клятвенно обещая при этом, она запоздало компенсировала несостоявшуюся страсть горячими, почти материнскими поцелуями – в дверях, на выходе и даже у лифта, после чего между ними, как ни странно, установились легкомысленные, с легким сексуальным оттенком отношения, не переходившие в нечто более серьезное – с флиртовскими намеками, подковырками и так далее. Но в Клавдии что-то явно изменилось: она просто похорошела, а под глазами время от времени стали появляться темные полукружья, происхождение которых не составляло тайны для такого опытного сердцееда, как Турецкий. Это значит – не он открыл ей сияющие выси, нашелся, видать, такой же проходимец, который, подобно шельме из старого анекдота, произнес коронную фразу: «А это все, дамочка, пустое, лучше пройдемте в койку!» И таки увел. Замуж Клавдия не вышла, но телесно добрела, и уже невозможно было без вождения наблюдать ее сдобные формы. Меркулову завидовали: иметь такую секретаршу – мало не покажется. Но Костя ценил в ней верность и отменные деловые качества, что в наше время может показаться редкостью. И

резко пресекал любые поползновения в ее сторону. Клавдия платила ему преданностью. Все это знал и видел Турецкий почти ежедневно и тем не менее сожалел о своей давней минутной слабости, ибо подобные женщины, а уж он-то в этом был уверен, очень энергичны в постели. Но как проверить – вот вопрос!...

– Саша, – зашептала она так стремительно, причем в самое ухо, что Турецкий невольно отстранился от трубки, – ну как ты не понимаешь, что я не могу объяснять всякому знакомому, о чем и с кем говорю по телефону! Приезжай! – И она так вздохнула, что, будь у Александра Борисовича крылья, он бы в два взмаха достиг ее уютной квартирки на одиннадцатом этаже дома-башни в Орехове-Борисове, то есть в прямом смысле у черта на куличках, и уж теперь без всяких предисловий и извинений спикировал бы с высоты своего полета, как ястреб на добычу... Да, ястреб, однако...

Нелегкую задачку подбросил Меркулов. Его или, может быть, кого-то повыше интересуют именно гости международного семинара, а не главные действующие лица. Вероятно, не Уильям Перри, министр обороны, а, к примеру, Бобби Паркер, несмотря на то что нынешнюю выборную гонку этот бывший генерал проиграл с треском. Но... мужик он далеко не старый, миллиардер, сенатор-республиканец. Значит, не без перспектив. И другой гость, обозначенный в программе: Георгий Ястребов, тоже, кстати, генерал, еще недавно, можно сказать, третье лицо в России. А по популярности – безусловно второе. Ну и чего они оба приехали на этот долбаный семинар, где будут обсуждать, как принять вчерашних друзей России в круг ее вечных врагов и при этом сохранить на лице благодетную мину?...

А нам тут, значит, нечего скрывать друг от друга? Намек тоже ясен. Другими словами, можно за помощью обратиться в «Файв левел», санкция сверху дана. Каков же вывод? Чего-то наши знают, о чем-то догадываются, но сказать не могут. Собачья жизнь...

Турецкий снял трубку, набрал трехзначный номер:

– Пит, ты был прав, к вечеру обстоятельства чисто по-русски приняли новый оборот.

– Значит, с тебя, – хмыкнул Реддвей. – Заходи.

У Турецкого не раз уже был повод убедиться, что дружба с Питом вещь полезная и перспективная. Но чтоб дружить, надо быть искренним. Хотя бы в определенных рамках. Этот здоровенный мужик, напоминающий обликом кинематографического техасского шерифа, мог представляться таким незащищенным и податливым, что даже заслужил прозвище Мягкая игрушка. Но при всей внешней мягкости, знал Турецкий, это был тот случай, когда, как говорится, где сядешь, там и слезешь. Он сказал об этом Питеру, тот долго выяснял суть фразы и при этом хохотал как сумасшедший. Понравилось.

Уже на следующий день он организовал дело таким образом, что Турецкий был представлен министру обороны Штатов, и Билл, как старый приятель Пита, лично пригласил русского профессора на свой доклад, а заодно и на все прочие.

– Я ж говорил, что старина Билл сделает все как надо, – не без самодовольства заметил Питер.

– Вижу, вы давно знакомы? – поинтересовался Турецкий, чтобы сделать приятное Реддвею. – Он тоже из университетских профессоров?

– Если знаешь, зачем спрашиваешь? – прищурил один глаз Питер. И добавил негромко, будто не придавая сказанному ни малейшего значения: – Он входил в Консультативный совет по внешней разведке при президенте. Понимаешь?

Турецкий кивнул: под «крышей» таких приятелей жить можно.

Следующий шаг, который следовало предпринять, зависел от того, удастся ли подогнать в плотную к русскому «гостю».

Генерал приехал в сопровождении свиты. Но в здание центра прошел с одним помощником. Турецкий ненавязчиво пошел ему навстречу и, «неожиданно увидев», расцвел в улыбке:

– Здравия желаю, Георгий Иванович! – Военные же любят четкость.

Высокий и стройный генерал-полковник Ястребов замедлил свой широкий и пружинистый шаг и взглянул на Турецкого, припоминая. Александр Борисович не дал развиваться сомнению:

– Александр Борисович Турецкий, к вашим услугам, товарищ генерал. Профессор «Файв левела», открытого здесь по вашей инициативе. А вообще-то старший следователь Генпрокуратуры России, если изволите помнить.

– А-а, ну как же! – Генерал протянул и крепко пожал Турецкому руку, но было заметно, что он не очень-то вспомнил, поскольку бросил выразительный, хотя и короткий взгляд на своего помощника. В том смысле, что выясни и напomini, о чем бишь тут речь. – Так, значит, мы находимся в ваших владениях?

На генерале был отлично сшитый, по спецзаказу разумеется, костюм, неброский, модный галстук, и вообще он имел вид преуспевающего политика. И зычный голос его, приученный к митингам, сейчас, в соответствии с моментом, приятно, бархатно рокотал.

– Нет, – улыбнулся Турецкий, – здесь размещаются наши соседи. А «Пятый левел», как вы помните, фирма закрытая.

– Ну конечно, конечно, – покровительственно заметил генерал, явно теряя интерес к собеседнику. – Надеюсь, мы еще увидимся.

– Благодарю вас, – склонил голову в легком поклоне Турецкий. И подумал: «Нет, с этим каше не сварить. Но ненавязчивое внимание к своей персоне он, пожалуй, не сочтет проявлением особого интереса некоторых российских спецслужб, на которые пока не распространяется его влияние. Возможно, придется заходить с другой стороны... Поэтому интересно, каковы взаимоотношения Билла Перри и Боба Паркера? Придется опять заряжать старину Пита...»

Семинар тек чинно и столь же рутинно. Докладчики говорили по-английски, и синхронисты тут же переводили тексты выступлений на языки гостей. Эмоциональные всплески могли ожидать разве что со стороны российского генерала. Но тот молчал, воткнув в уши улитки, по которым ему вещал по-русски переводчик. И поза его была спокойной, даже сонной.

Индифферентно вел себя и Паркер. Лишь один, быстрый и внимательный, взгляд на русского генерала выдал его непонятный интерес. Вот в чем тут дело, понял Турецкий. Они, возможно, решили встретиться, но пока проявляют полнейшее равнодушие друг к другу. В жизни, увы, так не бывает. Переигрывают мужики, а ведь оба они – люди азартные, останавливаться на ходу не привыкли. Что тот генерал, что этот...

Любопытный, между прочим, состоялся утром диалог у Турецкого с Реддвеем. Мягкая игрушка лениво эдак, словно без всякой цели, спросил:

– А на кой вам все это надо? Кто в мире всерьез относится к вашей оппозиции? Да хоть к тому же Ястребову?

– Скажи, Пит, а лично тебя и, следовательно, Америку, – Турецкий пустил точный шар в патриотизм Реддвее, – кто больше устраивает в Белом доме: Клинтон или этот Паркер, который прибыл сюда неизвестно с какой целью?

– Разве могут быть сомнения! – фыркнул Питер.

– Понимаешь, насколько нам важно, чтобы ваша уверенность также распространялась и на Россию? А наш опальный генерал никак пока что не гарантирует такой уверенности – ни вам, ни нам. Так что будем делать?

– Я заинтересован в вашем Президенте. Поэтому и дело может оказаться общим... – важно заметил на это Реддвей.

А в конце дня, после вечернего заседания, Реддвей, проходя мимо, положил на пюпитр Турецкого лист компьютерного набора. Александр пробежал глазами текст, обернулся, отыс-

кал взглядом Питера и сдержанным кивком поблагодарил. Мягкая игрушка умудрился раздобыть закрытую распечатку программы семинара, составленную для участников, где педантичные хозяева расписали по минутам время пребывания гостей центра, вплоть до посещения туалета. Впрочем, последнее – исключительно по желанию. Но вот время, выделенное для личных нужд, заинтересовало Турецкого. Он был уверен, что в рабочие дни семинара в шикарных апартаментах типа люкс, как сказал бы русский человек, ни встреч, ни тем более серьезных бесед состояться не может. От прослушки нет гарантии. Значит, что? Либо личное время, либо общая прогулка в альпийскую зону с катанием на лыжах.

Питер выслушал резоны Турецкого и согласился.

– Твое присутствие может им помешать, а если мы отправим в горы веселую пару – Кэт Вильсон и Ника Барагина, снабдив их соответствующей аппаратурой, будет, как ты говоришь, самое оно, так?

– Вот именно. Тип-топ.

– О! Новое! Объясни, – обрадовался лингвистической находке любитель русских идиом и просто идиотских выражений Реддвей.

Самое странное, что, объясняя, Турецкий и сам понял, как богат и могуч запас духовной прочности русского народа.

Встреча состоялась-таки, как и предполагал Турецкий, во время лыжной прогулки. Правда, ближние подходы к притомившимся лыжникам наглухо перекрывала охрана кандидата в американские президенты и российского генерала, работать пришлось изда-лека, но запись была четкой, поскольку уникальная аппаратура предназначалась, вообще-то говоря, для более серьезных целей. Английский язык генерала, конечно, был ужасен, и тем более странной казалась тема беседы, в которой как раз тонкости языка и могли иметь какое-то значение. Речь шла о пословицах и поговорках, собранных четыре с половиной столетия назад Эразмом Роттердамским. Потом говорили о конституции средневековой Венеции, определяя ее историческую ценность в наши дни. Никчемный какой-то разговор...

Однако при этом отдельные фрагменты беседы, как показала видеосъемка, фиксировались собеседниками в блокнотах, которые они затем молча предъявляли друг другу. Но шара-зонда, который в этот момент мог бы пролететь над ними, под рукой не было. Упущение, но ничего не поделаешь: все предусмотреть невозможно. Все же остальное было предельно безобидно и никак не могло уличить собеседников в каком-то тайном сговоре.

Реддвей, заинтересованный прежде всего в том, чтобы в записи не оказалось материалов, способных нанести ущерб Америке, лишь пожимал плечами: стоило, мол, гонять занятых людей за подобными пустяками и рисковать драгоценнейшей аппаратурой, многие компоненты которой имелись в единственном экземпляре.

Турецкий без конца просматривал видеозапись и прослушивал текст, пытаясь понять, чего ради эти два важных лица совершили перелеты через полмира и так долго разыгрывали свою абсолютную незаинтересованность друг в друге. Что-то очень серьезное должно было стоять за всеми этими пословицами и конституциями. Но что?!

– Пит! – Турецкого посетила совсем уже идиотская мысль. – А этот ваш экс-генерал – он не голубой часом? Может, у них какая-нибудь особая генеральская любовь намечалась, а мы не поняли?

Реддвей раскатисто захохотал, колыхаясь всем телом.

– Я, конечно, проверю, если тебе это надо, но... думаю, уже в процессе предвыборной гонки что-нибудь обязательно всплыло, если бы к тому имелись поводы. А что, разве ваш генерал был замечен?

– Ну, у нас же пока за руку не поймают... вернее, за это самое... ты понимаешь?

Отсмеявшись, Питер неожиданно заметил:

– Не знаю, какие интересы их свели, но у меня есть ощущение, что, занимаясь филологической болтовней, они одновременно вели какой-то известный только им двоим процесс торговли. Настораживают записи в блокнотах. К сожалению, они для нас недостижимы. Впрочем, попробовать достать хотя бы один из блокнотов можно.

– Каким образом? – изумился Турецкий, но вовремя ухватил себя за язык: у Пита есть и свои секреты, которыми ему совсем необязательно делиться с посторонними.

Наблюдения следующего дня ничего существенного Турецкому не дали. Ни Ястребов, ни Паркер на семинаре не выступили, прочно сохраняя статус гостей-наблюдателей, и вечером, после короткого прощального банкета, отбыли каждый на отведенную Богом его стране часть суши.

Реддвей со свойственным ему кокетливым равнодушием протянул Турецкому фотокопию бумажного продолговатого листа. На нем было несколько цифр: зачеркнутая двойка, затем тройка, еще несколько двоек и наконец – двумя чертами жирно и резко подчеркнутая цифра двести, после чего стоял толстый восклицательный знак. Очередная шарада.

– Пит – ты гений. – Турецкий широко развел руки в стороны и покорно склонил голову. – Я не спрашиваю – как, меня интересует, где ты взял этот листок.

– В заднем кармане спортивной формы, – хмыкнул довольный Реддвей. – Ты невнимательно смотрел видеозапись. Помнишь, Паркер вырвал лист из блокнота, смял, хотел его выбросить, но передумал и сунул в задний карман, так? Вот там мы его и обнаружили. Впрочем, он и сейчас там, – улыбнулся Питер. – Что скажешь?

– Первое, что приходит в голову, – это цена. Но вот чего – вопрос.

– Что ж, вашим службам, Александр, будет над чем поломать голову. Желаю вам успеха. Если хочешь – держи в курсе.

Турецкому приготовили тщательную расшифровку записи беседы двух титанов филологии. Впрочем, если быть справедливым, не только на литературу распространялись интересы важных персон, они рассуждали также о музыке, в частности, о скрипках Страдивари, ну это имя широко известно, потом упоминались неизвестные Александру Борисовичу фамилии Штайнера и Вальона. Но все это ни о чем ему не говорило. Ладно, решил он в конце концов, дома найдутся специалисты, которым эта тайна за семью печатями покажется обычными семечками. Уговорив себя не пудрить мозги дальше, Александр по обычаю, узаконенному в «Пятом левеле» с легкой руки российских курсантов – Барагина, Солонина, да, moreover, и своей собственной, дал обильную «отвальную», с чем и покинул гостеприимный Гармиш с его веселыми мужчинами и женщинами, готовыми по любому поводу щеголять в празднично расшитых одеждах своих прародителей. Вот живут же люди!

Но уже в самолете, ранним утром поднявшемся с мюнхенского аэродрома, Александр прочно забыл все прелести загранки и мысленно вернулся домой, к своим, к родным и любимым... Ну, прежде всего, конечно, к жене и дочке, которые, в общем, постоянно находились с ним – в душе. Но эти чувства – родственные, нежные. А ему хотелось любви, он соскучился по ней. Все-таки русский человек – не цивилизованный европеец, ему мало одного секса, мало физиологической сытости. Можно было, конечно, и Турецкому, подобно большинству коллег из «Пятого левела», снимать сверхнапряжение с помощью обычного секса с многочисленными посетительницами гармишских дансингов, дискотек, баров и прочих молодежных тусовок, что, кстати, абсолютно не возбранялось руководством. Действительно, почти стрессовые условия постижения высшего уровня знания и, главное, умения требовали определенной разрядки. Это и врачи советовали. Но Александра Борисовича почему-то не тянуло: возраст, что ли, начал сказываться? Нет, просто глядя на всех этих изящных, гибких и голенастых девиц, он все чаще воспоминаниями возвращался в Россию, где если уж любит тебя женщина, так любит, а не просто отдается. Речь не о шлюхе, разумеется. И вообще, мы, конечно, азиаты – и щедрые, и ленивые, и спеси в нас много, и такой бешеной

страсти, от которой бабы чумеют. Европейская мадам поможет тебе «сбросить пар» – и все. А русская баба – она, возможно, не так разбирается в сексе, зато в любви ей равных нет... Домой, домой!

Глава 2.

– А-а-а!!!

Истошный крик, рванувший из десятка плоток, пронзительный визг тормозов и рев сирены метropоезда, которую с перепугу врубил машинист, словно ударом в грудь отбросили толпу от края перрона. Поезд между тем продолжал двигаться, резко замедляя ход, и все это было похоже на кошмарный сон, потому что зажмуренные в ужасе глаза, казалось, видели, что там, внизу, под колесами...

К вою сирены присоединился треск сигнала тревоги из дежурной комнаты. Пробудился микрофон; громкий, срывающийся женский голос повторял: «Внимание! Просим всех пассажиров отойти от края платформы! Просим освободить вагоны, поезд дальше не пойдет! Пользуйтесь пересадкой!» И так раз за разом, со стихающей монотонностью. Дежурные тетki в красных шапочках и милиционеры, помогая себе трелями свистков, теснили толпу от поезда.

Наконец появились ответственные люди – это было видно по их решительным жестам. Один из них – симпатичный молодой парень в сером плаще – обратился к пассажирам, стоявшим непробиваемой никакими убеждениями стеной напротив первого вагона:

– Свидетелей происшествия прошу подойти ко мне.

Иван Акимович Воротников, высокий, пожилой, седовласый, с осанкой по меньшей мере строевого полковника, стоял, прижатый к полуколоннам оснований мраморных арок, отделяющих собственно платформу от пешеходного зала, и со стыдом и страхом ощущал, как по его спине в буквальном смысле струится ледяной пот. Кажется, он – один-единственный из всей этой толпы – действительно видел и понимал, что произошло.

Толпа наконец, вняв уговорам дежурной, обретшей нормальный, властно-крикливый, равнодушный голос, стала редеть, рассасываться. Иван Акимович, испытывая необычайную слабость в коленях, сумел теперь присесть на лавку и поставить рядом ставший таким невозможным тяжелым портфель.

Вдруг громко заработал мотор электропоезда, и состав, повинаясь движению руки одного из ответственных товарищей, возможно, он был здесь старшим, начал медленное движение назад. За ним по междупутью двигались трое мужчин. В руках одного из них был фотоаппарат со вспышкой. Наконец старший резко поднял руку, и поезд остановился. Замелькал блиц фотовспышки. Немногие оставшиеся на перроне невольно подались вперед. Вот и Иван Акимович, старый человек, видевший жизнь не с лучших ее сторон, но считавший себя в какой-то степени эстетом, презиравшим грязь и кровь, вдруг поддался общему порыву: увидеть это своими глазами. И увидел.

Между рельсой и стеной лежала белая женская нога, поразительно похожая на те фрагменты манекенов, которые теперь выставляют в витринах дамских магазинов для рекламы белья, чулок... или колготок. Черт их разберет, посторонне подумал Иван Акимович. Нога как-то не задела его внимания. Но, взглянув на междупутье, он едва не грохнулся в обморок и тут же, на подгибающихся ногах, заторопился вернуться к лавке. Рухнул на нее и дрожащими пальцами стал расстегивать портфель, где в переднем кармашке лежала облатка с рубиновыми бусинами нитроглицерина, и испуганным, будто воровским, движением сунул маленькую капсулку под язык. Крепко зажмурился, откинув голову к холодной стене, и начал прислушиваться к вечной своей аритмии. Но закрытые глаза отчетливо видели ужасное в своем сочетании буйство красок: желтой, красной и белой на мертвенно-черном фоне. «Но почему желтое? – возникло удивление. – Ах, ну да, пальто...»

Кажется, сердце немного успокоилось. И вот теперь снова возник это взгляд: пустой, но в буквальном смысле раздавливающий, стирающий с лица земли, взгляд не разумного

существа, а зверя-убийцы – равнодушный и одновременно заволаживающий, раздевающий догола. Где он видел его? А память между тем, как бы сама по себе, восстанавливала последовательность событий, происшедших только что, ну, каких-нибудь пять или десять минут назад...

Старший преподаватель кафедры рисунка московского колледжа при архитектурном институте Иван Акимович Воротников ненавидел эти вечерние часы в метрополитене, когда служивый люд возвращается по домам, а с конечных станций радиальных линий, где с некоторых пор обосновались вещевые рынки, одновременно с потоком пассажиров двигались нахальные орды торговцев и торговки со своими чудовищными полосатыми баулами. Столпотворение на каждой станции, в вагоны не входят, а вбиваются, летят к чертям собачьим пуговицы на пальто, и в конечном счете вместо «извините» ты тут же получаешь прямо в физиономию щедрую порцию «козлов» и «блинов», приправленную удушающей вонью алкогольного перегара. Нет, приличному человеку в эти часы в метро делать просто нечего, это вредно для здоровья, поскольку обязательно спровоцирует стресс.

Будучи твердо уверенным в последнем, Иван Акимович тем не менее вынужден был постоянно поступать вопреки своему желанию и спускаться в подземку, ежеминутно ожидая какой-нибудь определенной гадости. Впрочем, изредка случалось ему и отвлекаться от мрачных мыслей: вдруг возникал перед глазами совершенный, законченный резцом Природы профиль лица либо гениально выдержанная в классических пропорциях фигура, а то просто поразительное по вкусу сочетание форм и цвета одежды. Для глаза художника – а старший преподаватель рисунка непременно считал себя таковым – здесь таились и вдохновение, и в определенном смысле успокоение нервов. Задолго до нас замечено, что ведь на красоте глаз отдыхает.

Вот и сегодня, полный, как всегда, самых нехороших предчувствий, Иван Акимович предъявил толстой бабе с невыразительным лицом свое пенсионное удостоверение и ступил на рубчатую лестницу эскалатора, чисто механически пытаясь восстановить в памяти образ этой толстухи, которую он видел ежевечерне на контроле у автоматов. Черт побери, а ведь не получается! Что это – глаз стал незорким или в самом деле ему не за что зацепиться? Иван Акимович машинально обернулся и – замер. И было от чего: выше, через три-четыре человека, стояла молодая женщина с матово-белым, почти неестественного цвета, лицом. Изломанные черные брови – не такие капризно-трагические, как у Пьеро, но близко, близко... Длинные, узкие глазницы прикрыты тенями от густых темных ресниц. Прямые черные волосы, свисая из-под ярко-желтой шляпки с узкими полями, падали на грудь, на такое же вызывающее своей яркой желтизной пальто. Черная лаковая сумочка, надетая через плечо, пересекала ремешком грудь женщины по диагонали.

Дольше смотреть на незнакомку было уже неприлично, и Иван Акимович с сожалением отвернулся, продолжая видеть перед собой это необычно выдержанное сочетание черного и желтого цветов.

Женщине нужен был тот же поезд, что и Воротникову. Иван Акимович, поджимаемый нетерпеливыми пассажирами, стремящимися проникнуть в первые ряды ожидающих, стоял сбоку и чуть позади, наблюдая уходящий от него примерно на три четверти профиль.

Мелодичный перезвон объявил о приближении состава. Толпа задергалась, задвигалась. Иван Акимович заметил, что за спиной женщины, от которой он все никак не мог оторвать взгляда, как бы пристроился квадратный такой крепыш в черной кепочке, какую носит нынче всякая шпана, надевшая отвратительные тускло-красные пиджаки и называющая себя «хозяевами жизни». Этот невыразительный мужичок между тем начал, словно невзначай, нажимать, подталкивать женщину вперед. Иван Акимович почувствовал вдруг резкий, болезненный укол где-то возле сердца, даже раскрыл рот, чтобы всей грудью набрать воздуха, – странное предчувствие чего-то ужасного пронзило его.

Поезд вырвался из тоннеля и мчался, приближаясь и слегка притормаживая. И когда до лобового стекла кабины машиниста оставались считанные метры, навстречу ему с диким криком метнулась желтая птица...

Вой, скрежет, истошный вопль, движение толпы вперед и тут же – назад, от беды, от смерти... Странное броуновское движение пассажиров. Потрясенный увиденным, Иван Акимович почти мгновенно нашел черную кепочку, спокойно уходящую сквозь толпу от края перрона. Бог ростом не обидел: сверху-то все видно. Но кепочка вдруг дернулась, будто почувствовала на себе слишком пристальный взгляд. Человек медленно обернулся, обнаружил смотревшего на него Воротникова, и вот тут Иван Акимович, может, впервые в жизни в самом деле почувствовал, как глядит тебе в глаза Смерть – холодно и безучастно. Ему стало так скверно, так жутко! Он понял, что если этот квадратный незнакомец захочет сейчас приблизиться и убить его, то не хватит сил ни позвать на помощь, ни просто вскрикнуть предсмертно...

Вспомнив все только что пережитое, Воротников поднялся, прижимая к груди портфель, и стал озираясь, будто Смерть притаилась где-то здесь, рядом, за мраморной аркой. Нет, черной кепочки нигде не было видно. Да, впрочем, подумал Иван Акимович, какой же убийца станет ждать, чтоб на него указывали пальцем? Чушь какая-то! И вместе с этой освобождающей от страха мыслью пришло убеждение, что он, художник Воротников, просто обязан помочь следователю установить истину, которая, уверен был Иван Акимович, ведома была только ему одному.

Поезд, пятясь, уполз в тоннель, место трагедии окружили высокими фанерными щитами, возле которых прохаживался спортивный юноша в милицейской форме, постукивающий по ладони длинной дубинкой.

– Извините, – обратился к нему Воротников, – подскажите, пожалуйста, где можно дать свидетельские показания?

– Вон туда пройдите, – равнодушно показал тот дубинкой в конец перрона, где светились красные цифры убегающих секунд жизни.

Иван Акимович послушно побрел в комнату дежурного, расположенную за стеклянной дверью.

Следователь следственного отдела УВД на метрополитене старший лейтенант милиции Олег Афанасьевич Артюша был, как уже заметил Воротников, симпатичный молодой человек лет примерно двадцати пяти от роду. Возможно, вчерашний выпускник юридического вуза, он хотел казаться предельно серьезным и оттого хмурил чистый, еще без единой морщинки, высокий и розовый лоб. Когда Иван Акимович переступил порог дежурной комнаты милиции метрополитена, следователь мельком взглянул на него и пальцем требовательно указал на стул у стены, а сам вместе с коллегой, держащим в протянутой руке черную лакированную сумочку с разорванным ремешком, собирался взглянуть на ее содержимое. Обернувшись к пожилой паре, жестом ладони пригласил подойти поближе.

– Ну-с, – сказал со вздохом, – сейчас мы должны выяснить, что могут сообщить нам вещи погибшей о ее личности. Прошу.

Он раскрыл сумочку и высыпал на стол кучу всякой обычной женской мелочи: предметы макияжа и косметики, кошелек с деньгами, сигареты с зажигалкой, авторучки, мелкие монеты и наконец – красное кожаное удостоверение со стершейся позолотой на лицевой стороне. Раскрыв корочки, вслух прочитал:

– Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина... Вроде она иначе называется? – и сам же ответил после короткой паузы на собственный вопрос: – Ну да, Российская государственная библиотека, то есть РГБ. Из чего вывод: удостоверение старое, но... еще действующее. Штерн Марина Борисовна, красивая женщина... была, – поправился тут же. – Старший научный сотрудник... Подпись и печать. Все в порядке. Сергей Сергеевич, – обра-

тился к коллеге, принесшему сумочку, – внесите, пожалуйста, в протокол осмотра и изъятия вещдоков, а понятые подпишут. Я же займусь... Вы – свидетель, гражданин? – вежливо посмотрел на Воротникова. – Я вас еще на месте происшествия запомнил.

Он небрежно сдвинул содержимое сумочки на противоположный край стола, пригласил Воротникова пересесть ближе и положил перед собой чистый бланк протокола допроса свидетеля.

– Что вы можете сообщить... э-э... я – следователь Артюша, – вспомнив о первой своей обязанности, представился он и, увидев вопрос в глазах свидетеля, слегка покраснел и добавил: – Это фамилия такая. Можно – Олег Афанасьевич. Представьтесь, пожалуйста.

Воротников достал из кармана коричневую книжечку удостоверения и протянул следователю. Тот прочитал и старательно вписал имя, отчество и фамилию в бланк протокола. Спросил и записал также адрес и номер телефона.

– Так, слушаю вас.

Иван Акимович прикрыл ладонью глаза и, чуть откинув голову, словно вспоминая, начал рассказывать, как еще на эскалаторе его внимание привлекла не совсем обычная внешность молодой женщины, как он наблюдал за ней до... до самого последнего момента ее жизни. Так же спокойно, почти монотонно, передал он и свое состояние, сообщил о тех ощущениях, которые испытал под взглядом коренастого крепыша в черной кепочке. Следователь быстро записывал за ним. Наконец Воротников глубоко вздохнул и замолчал. Исповедь закончилась.

Затем он по указанию следователя прочитал собственные показания и подписал каждую страницу протокола. Отложил ручку и опустил голову.

– Вы могли бы помочь нам составить его фоторобот? – после недолгой паузы спросил следователь.

– Я полагаю, что смог бы изобразить это... лицо. Извольте лист бумаги.

Воротников устроил свой портфель на коленях, вроде пюпитра, сверху положил чистый лист, протянутый следователем, затем достал из внутреннего кармана пиджака металлический карандаш с толстым грифелем, с минуту внимательно разглядывал бумагу, после чего рука его заработала быстро и легко, словно сама по себе. Следователь, привстав, наблюдал, как рождается портрет преступника... конечно, убийцы, иначе ведь и быть не могло... Значит, все предыдущие свидетели – и мужчины, и женщины, – утверждающие, что видели своими глазами, как женщина сама кинулась под поезд, на самом-то деле ни черта не видели. Или не поняли, потому что падение женщины действительно можно было истолковать и как самоубийство. Опять же это ее неестественно белое лицо...

– Вот, прошу вас. – Воротников протянул лист с рисунком, и следователь даже вздрогнул, увидев нечеловеческий взгляд убийцы.

– Да-а... – Это было произнесено с таким значением, что все присутствующие немедленно обратили внимание. И потянулись к рисунку. А понятой – круглолицый сидящий блондин с длинными, неопрятными волосами – так тот буквально впился в портрет глазами, качая головой и остро поглядывая на художника.

Следователь запоздало опомнился и спрятал рисунок в свою папку – дешевенькую такую, из кожзаменителя, но – на «молнии».

– Рисунок ваш приобщается к делу. Значит, вы готовы утверждать, – начал он, – что этот тип...

– Я ничего не утверждаю, Олег Афанасьевич, – жестом ладони остановил его художник. – Я лишь рассказал вам о том, чему был свидетелем. К великому моему сожалению... А это, – он пожевал губами, подумал, будто прикидывая, стоит ли говорить, и наконец показал на папку, в которой лежал его рисунок. – Это, конечно, не фотография, но мои коллеги знают,

что глаз у меня... Словом, я понимаю, здесь не место для... хвастовства, да и повод не тот. Однако уверяю вас... В общем, это все.

– Ваши искренние показания несомненно помогут следствию, – церемонно заявил Олег Афанасьевич Артюша. – Поэтому прошу вас в ближайшие несколько дней не покидать Москвы. Не исключено, что нам с вами еще придется встретиться. Вот вам моя визитная карточка, – протянул он Воротникову лаковую картонку со своим номером телефона, – а ваш адрес у меня в протоколе зафиксирован. Еще раз благодарю вас, вы свободны. Понятые, я думаю, тоже, Сергей Сергеевич? Тогда будьте здоровы, господа... Ну что? – тяжело вздохнул следователь. – Пойдем туда? – и сунул папку под мышку.

...Следователь следственного отдела УВД на метрополитене Артюша так пока и не научился невозмутимо смотреть на расчлененные трупы людей, кровавые лужи и тому подобное, сопутствующее человеческой трагедии, в последнее время участвовавшей на транспорте. То – самоубийства, то – расправы вроде вот сегодняшней. О происшествии в метро и остановке движения поездов на участке «Охотный ряд» – «Красные ворота» в самые часы пик уже, конечно, сообщено дежурному по городу и в Мосгорпрокуратуру. А когда узнают, что тут произошло убийство, а не просто трагическая случайность, понабегут, поналетят орелики из МУРа, из горпрокуратуры, только успевай поворачиваться, чтоб тебя самого в зад не клюнули...

Труп женщины, правильнее сказать, то, во что ее превратили колеса, уже увезли в морг, эксперты, медик и криминалист, закончили свою работу. Долго возились. «Больше часа», – отметил Олег Афанасьевич, поглядев на станционные часы. Сильная струя гидранта моечной установки удаляла с междупутья последние следы крови, бурлящий пенный поток тут же засасывался мощным насосом, и скоро, минут, наверное, через десять-пятнадцать, к платформе подойдет голубой состав и из него хлынут толпы рассерженных на вечный российский бардак пассажиров. И всем будет, в общем-то, наплевать на чрезвычайные обстоятельства, на то, что кто-то отнял жизнь у молодой и очень красивой женщины... Вот разве что редкие лужицы на междупутье объяснят опытному машинисту причину более чем часовой задержки движения по самой основной, центральной, красной линии метро...

Эта платформа была огорожена длинным рядом металлических стоек с протянутым между ними толстым шнуром, на котором болтались красные лоскуты наподобие флажков волчьего загона. Дежурившие здесь милиционеры не пускали шибко любознательных за этот смехотворный барьер. К нему ведь всерьез может отнестись разве что законопослушный иностранец. Русский же человек, увидев предупреждение о том, что в данном месте прохода нет, обязательно полезет туда, сломает себе шею, а потом начнет вопить, что нигде нет порядка. Впрочем, если уж сломает шею, то вопить станут родственники.

Народу в зале было много, поскольку движение поездов в сторону «Юго-западной» не прекращалось. Артюша постоял еще недолго, посмотрел, как дежурные начали дружно убирать стойки ограждения, и отправился к эскалатору.

Странно, вроде уже прошел час пик, а пассажиров все не убавлялось. Толкучка перед входом на эскалатор, невозможно спокойно стоять на самой лестнице. Кто-то настырно толкал в спину. Следователь оглянулся: приличный пожилой человек, а ведет себя как оголтелая деревня, будь он неладен. Подумал и усмехнулся: сам-то давно ли москвичом заделался?... Так куда идти? – продолжал размышлять Артюша, придерживая под мышкой несолидную свою папку, у которой даже отделений внутри не было – мешок мешком, все бумаги – до кучи. Время, в сущности, позднее, девятый час. Отнести документы на работу или оставить все до утра? Артюша сошел с эскалатора и остановился в стороне, пропуская спешивших людей. А с другой стороны, какого дьявола их таскать с собой?...

Следователь вынул из-под мышки папку и вмиг покрылся холодным потом: проклятая тряпка, на которой крепилась «молния», была разрезана с двух сторон и сама «молния» бол-

талась как крысиный хвост. В папке же не было ни одного документа, ни единой бумажки! ... Где, когда это произошло?! Это тот – деревня! Бежать – искать его?! А если раньше, еще там, внизу?... Бессмысленно... Но как же он мог, следовательно, растяпа! И тут словно обухом врезало, да так, что искры из глаз: портрет! Вот где причина. И адрес... там же адрес записан того художника!

Костеря себя самым отборным матом, Артюша ворвался в комнату милиции, сунул под нос дежурному сержанту свое удостоверение, немедленно выставил за дверь всех лишних и схватился за телефонную трубку. К счастью, начальник следственного отдела был еще на месте. Стараясь говорить внятно, Артюша объяснил ситуацию. Борис Петрович все понял, но удержало его от немедленной и откровенной оценки действий молодого следователя, возможно, лишь то обстоятельство, что начальник, судя по его скупым репликам, находился в кабинете не один, а потому он не желал выставлять свой отдел в столь неприглядном виде. Но Артюшу сейчас уже не это беспокоило: чему быть, того, как говорится, не миновать. Другая мысль долбила виски: понятия! Они одни знали о допросе художника и картинке, которую тот нарисовал. А кто они сами? Один крутился рядом, делать ему было, видать, нечего. Вторая – тетка какая-то – откуда ее Самойленко откопал? «Есть у вас немного свободного времени?» – «Да не так, чтоб очень, но...» – «А документы имеются?» – «Ну а как же! Нынче ведь без них никуда, в бомжи запишут!» – «Предъявите». Вот тебе и все формальности. А если вспомнить – в первый раз, что ли? А оно вон чем теперь обернуться может!...

Выслушав сбивчивую речь Артюши, Борис Петрович холодно спросил:

– Вы вообще-то сообщаете, что говорите?

– К сожалению, товарищ подполковник... Лучше б уж меня самого, как ту женщину...

– Вам виднее, – сухо ответил начальник. – Вещи погибшей и протокол изъятия вещков тоже были у вас?

– Нет, вещи, в смысле сумочку и всякие мелочи, взял с собой Самойленко, а протокол...

– Ясно. Возможно, у Сергея не такая идиотская память, как у вас, и он запомнил адреса и фамилии понятых, но это сейчас не основное. Слушайте приказ...

Подполковник сделал распоряжение быстро и четко, коротко переговорив по внутренней связи. Через несколько минут у главного входа в Колонный зал будет стоять служебная машина с оперативниками. Адрес этого Воротникова Ивана Акимовича, проживающего, как припомнил Артюша, где-то в районе метро «Черкизовская», а также номер его домашнего телефона следователь получит на трассе, по пути к дому этого художника.

– И не дай тебе Бог, – серьезно добавил подполковник, – если с его головы упадет хоть один волос. Шкуру спущу. Собственными руками...

Черная «Лада» девятой модели была припаркована на углу Георгиевского переулка и Большой Дмитровки. За рулем, низко надвинув на глаза черную кепку с коротким матерчатым козырьком, дремал водитель, облаченный в просторную кожаную куртку с меховым воротником. По погоде: уже не осень – еще не зима. Должно быть холодно, а пока держится относительное тепло, хотя ночами подмораживает. Странный такой конец ноября в этом году...

От выхода из метро «Театральная» наперерез заворачивающим на Большую Дмитровку машинам, нарушая элементарные правила движения, кинулись двое. Один – пожилой, в длинном плаще, меховом треухе и с холщовой сумкой в руках. Второй – совсем молодой парень в темном китайском пуховике и круглой вязаной шапочке. Перебежав к зданию Дома союзов, они торопливо зашагали вдоль него и, дойдя до угла Георгиевского переулка, оглянулись и ловко юркнули в двери черной «девятки».

– Ну? – водитель лениво сдвинул указательным пальцем кепку на затылок. – Говориты, Куцый.

– Артист был прав, – с готовностью отозвался молодой. – Засветила тебя та гнида. – Он достал из холщовой сумки пожилого кипу бумаг, порылся и вытащил рисунок.

Водитель включил свет в салоне. Стекла у машины были затемненные, и разглядеть что-либо в деталях прохожие не смогли бы. Да и не видно их, этих прохожих. Однако мало ли что...

– Ты выдь, Артист, – спокойно приказал водитель. – Только харю смени.

Пожилой снял с головы треух вместе с седым париком и оказался круглолицым, абсолютно лысым человеком, сильно напоминающим того понятого из метро, у которого были длинные неопрятные волосы. Впрочем, седой парик тут же исчез в кейсе, где уже лежала «прическа» понятого. Артист скинул плащ, высокие валенки с галошами и вышел из машины совсем другим человеком: в черной, как и у водителя, кепочке, кожаной куртке с косой «молнией», модных мешковатых брюках и темных кроссовках – типичный представитель наглого московского рэкета, собирающего дань с палаточников возле станций метрополитена. Он постоял, огляделся, достал из кармана куртки пачку «Кэмел» и дорогую зажигалку «Зиппо», поиграл огоньком, закурил и стал прохаживаться вдоль машины.

"С Сизым, – думал он, – пора кончать... Примелькалась его рожа. Слов нет – работает наверняка. Но ведь сколько нужно сил иметь, чтобы отмазывать этого мокрушника... Вон сегодня хоть возьми. Хозяин приказал замочить ту бабу – без вопросов, в лучшем виде. Кто мог сказать, что возникнет эта гнида со своим глазом-ватерпасом? Значит, не будь Артиста на месте, хана Сизому? Вот так, Хозяин... А этот еще: выдь! Харю ему смени! У самого такая харя, что чертей пугать!

Артист потому и звался Артистом, что был в давние времена, в молодости, как говорили, довольно способным студентом театрального вуза. Пока не залетел на фарце. Большим валютчикам вроде Яна Рокотова сам Никита Хрущев «вышку» заказал, ну а мелкую сошку так загнали, что в конце концов научили по-умному работать. Вот после той первой и, Бог миловал пока, последней на сегодняшний день «ходки» сообразил Артист, что в его жизни любой опыт полезен, тем более – актерский. Пока везет... Он суеверно перекрестился и снова поглядел по сторонам. Чисто.

Задняя дверь приоткрылась.

– Залазь, Артист, – махнул рукой Куцый.

Сизый, отвернувшись, молча рассматривал свой портрет. Артист не выдержал:

– Что, глаз положил? В самый раз для памятника... на Ваганькове. Если успеешь место купить...

– Закрой хлебало, – без злости отозвался Сизый. – Вот же гнида! Я ж, мамой клянусь, сам видел, как из него от страха говно текло... Ватерпас, говоришь? Поглядим... Поехали.

– Это куда еще? – возмутился Артист.

– Куда скажу, – бросил Сизый не оборачиваясь. – Твое место у параша.

– Куцый, Хозяин знает? – не унимался Артист.

Этот молодой, умеющий становиться просто незаметным парень был, похоже, на особом счету у Хозяина, поскольку владел высшей квалификацией вора-карманника: он был «кротом», то есть работал главным образом в метро, и при этом – «технарем», взрезал портфели, «дипломаты», сумки, словом, все виды кожи. Ну а сегодняшняя папочка того ментаря – вообще чистый смех: вскрыл в лучшем виде, а сам Артист послужил ему «ширмой» – сумку свою холщовую подставил. Настоящий «марвихер» этот Куцый, вор высокого класса. Поэтому нет ему смысла темнить...

– Так знает или нет? – повторил Артист.

– Нет, – процедил Куцый.

– Останови машину! – потребовал Артист. – Слышь, Сизый, пока Хозяин не скажет, я тебя самого в той параше видел.

– Ну, гляди... – зло кинул Сизый и резко свернул машину к бровке тротуара. – Выходите, я сам буду говорить.

В бардачке у Сизого лежала трубка сотового телефона, но он не хотел, чтобы его разговор с Хозяином слушали эти сявки, которых он ни в грош не ставил. Разговор, конечно, мог быть не из приятных, поскольку надо будет говорить правду, эти ж не дадут смягчить ситуацию, настучат. А с той гнидой действительно прокол получился. Увидел его, решил: не хрен в карман за шилом лезть – сам подохнет. Ошибка. Эти козлы интеллигентные – не только живучие, но и вонючие.

Он достал трубку и набрал номер. Сказал, что хочет поговорить с Хозяином. Отключился. Полминуты спустя раздался сигнал...

Артист с Куцым прошли несколько шагов вперед и остановились, глядя, как Сизый, жестикулируя, что-то объяснял Хозяину. Разговор у них оказался долгим.

– Надоел мне Сизый, – сказал вдруг Артист.

Куцый посмотрел на него вопросительно.

– По-наглому, говорю, прет. Всех заложит. Чего теперь, тех двоих ментов убирать, что портрет «срисовали»?

– Хозяин скажет, – резонно заметил Куцый. – Эх, сейчас бы рюмашку и Дашку подляжку... Чего он, зовет, что ль?

Они подошли к машине, сели. Сизый передал Куцему трубку:

– Хозяин тебя зовет.

– Мое почтение, – сказал Куцый, беря трубку.

– Ты в машине? – услышал низкий и мягкий голос Хозяина.

– Ага.

– Выйди, дверь закрой. Сделал? Теперь слушай, что велю. Завалился было сизый голубок-то?

– Ага.

– Можешь говорить нормально. То, что сделали, правильно. Живописца того, может, и придется... хотя душа не лежит. Ладно, пусть Сизый сам исправляет свою ошибку. Тебя с Артистом отзываю, вы мне нынче для серьезного дела нужны. Заберите из машины все, чтоб и духом вашим там не пахло, ясно? А все картиночки, бумажечки ментовские, все до единой, чтоб там остались.

– Понял.

– Ну и молодец, Витек. – Куцый даже вздрогнул: Хозяин редко называл его по имени. – Тогда отдай трубку.

Пока Сизый выслушивал последние указания Хозяина, Куцый ткнул Артиста в бок и приказал жестом все бумаги из сумки вываливать прямо на пол машины. Что и было немедленно сделано. Сизый же молча швырнул трубку в бардачок и с яростью прорычал:

– Выметайтесь! Со всем своим говном! К матери!...

Куцый обернулся к Артисту, словно невзначай подышал на правую ладонь, достал из кармана носовой платок, скомкал его в кулаке и, открывая дверь, быстро и ловко протер ручку. Тот же способ избавления от следов своих пальцев употребил и снаружи. Артист же долго возился, собирая шмотье, открыл дверь со своей стороны, долго выбирался, неуклюже закрывал дверь. Сизый ни на кого из них не обращал внимания, сидел, злобно уставившись в лобовое стекло, и сжимал побелевшими пальцами баранку руля.

– Может, хоть до ближайшего метро добросишь? – посетовал на свое положение Артист.

– Пошел бы ты... сучара! – выдавил Сизый и рывком бросил машину вперед.

– Хозяин переменял решение? – со смешком повернулся к Куцему Артист.

– Охота знать, позвони да спроси. А лучше – помолись. Ты это дело любишь, – с иронией заметил Куцый. – В самый раз будет.

И быстро ушел, не прощаясь.

Артист смотрел ему вслед и впервые наконец понял, откуда прилипла к парню эта кликуха – Куцый. Он во время быстрого движения действительно напоминал петляющего зайца, шел не по прямой между двумя точками, как заведено в геометрии и жизни, а словно кидаясь в стороны. Точно – Куцый!...

Ни тот ни другой не знали, что два фактора – неожиданное упрямство Артиста и решение Хозяина, – попросту говоря, спасли им жизни. Сегодня, во всяком случае. А вообще-то в их профессии заглядывать далеко вперед негоже, Провидение этого не любит... Тем более если оно занято в основном устройством будущего Хозяина, а не какой-нибудь мелкой сошки вроде них.

Сам же Хозяин, наглядно показав Сизому, кто должен принимать решения, тут же, после разговора с ним, позвонил в Сокольники, в дежурную часть ГАИ.

– Мне бы Воробьева, – попросил почти заискивающим тоном. – Ах, нету? Спасибо.

Набрал следующий номер.

– Капитан Воробьев слушает, – бодро ответила трубка.

– Здравствуй, голубчик, – ласково заговорил Хозяин. – Это я тебя, дружок, беспокою, Павел Антонович, узнал?

– Вот теперь признал, – обрадовался Воробьев. – Богатым будете, Павел Антонович, и здоровым! Это точно, примета такая. Рад помочь, если есть во мне нужда какая.

– Да оно и есть, а с другой стороны – вдруг хлопотно станет?

– Нашему брату не привыкать, вы ж знаете.

– Ну спасибо, голубчик. А дело, значит, такое. Где-то там, неподалеку от тебя, в Черкизове, художник один проживает, не знаю, один ли, с семьей. Слышал, хороший он человек. Да оно, в общем-то, может, и ни к чему, только стало мне известно, есть, понимаешь, эти, которые... убить хотят его, а за что – никто не знает. Нашелся, видишь ли, вроде бы голубь такой, сизокрылый, сизый, стало быть. Так вот, думаю, пожалуй надо бы художника-то. Да и ты чего-то, гляжу, в капитанах засиделся. Не пора дальше-то, а?

– Нехорошо...

– Чего говоришь?

– Нехорошо, говорю, Павел Антонович, землю-то нашу талантов лишать. Верно мыслю?

– А то как же! Их у нас и так немного.

– Чего-то адресок я не запомнил.

– Ах, адрес? Сейчас напомним, напомним, как же без адреса-то... Значит, Черкизовский проезд, дом одиннадцать, а квартира, стало быть, двадцать первая. Очко! – обрадовался Хозяин. – Смотри-ка! Везунчик ты, этак можешь большой куш сорвать!

– А я разве против, Павел Антонович? Кстати, голуби-то эти, они что, на лапках передвигаются или как?

– Ха-ха! На колесиках, «девяточки» такие черненькие, там чего-то буквы, циферки... эс, стало быть, сто семнадцать и снова эс-а. Да, так о чем это я? Вспомнил! Если, говорю, коллеги твои не совсем дураки, они уж, поди, на всех парах туда следуют. Кабы не опередили. Но им, надо думать, те бумажки нужны, что в машинке той. А с голубком-то им вредно встречаться, из этих он, из отморозженных, стрелять начнет, детей осиротит. Зачем стрелять?

– Значит, надо сделать так, чтоб не осиротил? – хмыкнул капитан Воробьев. И не удержался, хоть это было не в его правилах: – А кто ж это такой, зверь-то безжалостный? Да еще с пистолетом.

– Ах, кабы знать! – вздохнул Хозяин. – Да ведь, с другой стороны, и знать-то нынче ох как опасно! А про пистолет – точно, есть.

– Это верно, знать ни к чему.

– А наудачу тебе так скажу... Глядел я днями кино американское, боевик называется. Так там один псих вроде этого нарушил чего-то да и стал от полиции удирать. А те – не любят, ох не любят! Ну, погнались, вот уж и достигать стали. А этот-то наш возьми да выскочи из машины – да давай палить! Но полиция тоже не дураки: бах! бах! – и нету ваших. Задерживали, стало быть, нарушителя, чтоб штраф наложить, а шлепнули преступника. Вишь ты, какое кино! Забавно... Ну, что-то я разговорился, не иначе старость подступает, а, капитан? Слышал, поди, про царицу нашу великую? Дерет ее, значит, солдатик, а она в небеси взмывает и все от великой страсти повизгивает: ах, капитан! ах, майор! Ну и так до генерала добралась. Вот что значит – уметь! Давай, капитан, чую, быть тебе генералом. Попозже позвони насчет кино. Я ждать буду. Да, а что ж это мы про телефон художника-то забыли? Записывай, записывай...

Служебная «Волга» с мигалкой на крыше и завывающей сиреной вырвалась наконец из центра и понеслась мимо трех вокзалов к Преображенке. Как раз на Комсомольской площади и заверещал наконец телефон. Сидящий впереди оперативник Федя Мазаев поднял трубку, послушал сообщение и передал ее Артюше, которого почти задавил, зажал в углу салона своей массивной, медвежьей фигурой старший оперуполномоченный майор Синева.

– Следователь Артюша слушает, – прохрипел сдавленно Олег.

– И правильно делаешь. Карандаш под рукой? Записывай адрес и номер телефона... Я только что разговаривал с Воротниковым и все ему объяснил. Главное. Детали по твоей части. Старшим назначаю Синеву, слушаться беспрекословно. Передай ему трубку.

Разговаривая с подполковником, Синева отвечал односложно:

– Да... Понимаю... Будет сделано... Слушаюсь...

Словом, типичный служака. Артюша не очень уважал таких, потому что сомневался в наличии достойного интеллекта. Вот шею свернуть руками – это они мастера...

Синева отдал трубку Федору и всем телом повернулся к Олегу:

– Я тебя не совсем задавил? Ну, извини, это не я, это – доспехи! Давай-ка по-быстрому посвяти меня в суть дела, и мы решим, что делать дальше.

Олегу неожиданно понравилось, как он спросил: без наглости старшего по званию, без явного превосходства. И потому рассказал неожиданно для себя буквально все, как на духу, не щадя и не скрывая собственных ошибок. Майор выслушал не перебивая, немного задумался и предложил такой вариант:

– Федор, набирай номер этого художника. Ты, Олег, напхни ему о себе и представь меня в качестве начальника группы. Это надо, чтоб у него к нам больше доверия было. Ну а я подскажу ему один ход, который представляется так... более-менее... Давайте, ребята, время давно пошло!

Оказывается, художник уже все знал из разговора с подполковником. Поэтому оправдания Олега не потребовались. Но он сказал, что буквально несколько минут назад был телефонный звонок, а когда жена подняла трубку и спросила, кто звонит, ей никто не ответил, только одно странное сипение. Может быть, это и есть те преступники? Воротников спросил с такой наивностью и полным отсутствием страха в голосе, что Артюше стало безумно стыдно за то, что случилось по его персональной вине.

Наконец трубку получил майор. Он сразу взял быка за рога.

– В каком состоянии входная дверь?... Так. Запоры какие?... Понятно. Где стоит телефонный аппарат?... Слушайте, что надо делать, и крепко запоминайте. Первое: трубку после нашего разговора положите рядом с аппаратом, но ни в коем случае не на аппарат. В ней должны раздаваться гудки «занято». Ясно? Второе: дверь закрыть на все запоры и цепочку.

В прихожей свет не зажигать и из комнаты не выходить. Семья большая? Что, и внучка? Сколько ей? Самое то. Следите за ней. Мы будем у вас минут, самое большее, через пятнадцать. Наш звонок в дверь: два длинных, два коротких, еще один длинный. Меня зовут Григорий Петрович. Откроете только мне. И последнее: ничего не бойтесь и постарайтесь, чтоб ваши домашние тоже не сильно волновались. Еще раз напоминаю про трубку. До встречи... Уф! Будто гору передвинул... А он – мужик вроде ничего, если по голосу. Василий, ну-ка, поднажми, обидно будет, если промахнемся.

После этого в машине стало тихо. Пауза длилась долго, пока вдруг майор словно не очнулся.

– А тебе скажу, Олег, – сказал негромко, почти на самое ухо, – на всю жизнь заруби: никогда не проводи допроса в присутствии посторонних. Это всегда, подчеркиваю, плохо кончается... Федя, начинай набирать номер и слушай гудки... Понял, зачем это? – спросил у Олега. И, увидев, что тот замялся, тут же пояснил: – Трубка лежит на столе, значит, идет разговор. Для постороннего – короткие гудки. Что делает преступник, прежде чем проникает в квартиру? Обрывает телефонную связь. Чтоб жертва не могла сообщить в милицию. Какие мы слышим гудки? Длинные, абонент как бы не отвечает. Либо его нет дома.

– А почему бы Воротникову с семьей не перейти на какое-то время, скажем, к соседям? – спросил Олег.

– Он сказал, какие у него замки. Вполне приличные. Тут крупный специалист требуется. А для обычного «домушника» нам времени хватит... Вася, ты у нас не только водитель, но и штурман. На тебя весь мир смотрит. Сколько нам осталось?

– Минут пять.

– Много, много...

– Григорий Петрович! – воскликнул Федор. – Длинные гудки!

– Дай! – Майор схватил трубку, прижал к уху и чуть не грохнул ее об днище. – Уже там... Вася!

– Сейчас, сейчас, – повторял водитель, крутя баранку и резко кидая «Волгу» из стороны в сторону, обходя наглых частников, на которых никак не действовала сирена.

Наконец вырвались в тихий переулок и понеслись в полную уже темноту: освещения тут не было никакого.

– Сирену убери! – приказал майор. – Слушай команду. Олег, получи оружие. – Он протянул Артюше тяжелый «макаров». – Пользоваться приходилось?

– Да.

– Не забудь снять с предохранителя. Во двор не въезжаем. Олег и Вася страхуют нас внизу, у подъезда. Мы с Федором поднимаемся на лифте. Пьяная компания. Я выхожу на пятом этаже, ты – на седьмом. Сходимся на шестом. Фонарь возьми.

– Вот, Григорий Петрович, прибыли! – Василий заехал колесами на тротуар, осветив фарами номер дома: – Одиннадцать. Он.

– Приготовились! – Майор замер. – Оружие к бою! Пошли.

«Ну прямо как в кино!» – с непонятным внутренним восторгом подумал Олег и, сжав потными пальцами рукоять «макарова», выскочил из машины.

И в этот миг во дворе дома, куда примчалась оперативная группа, громко бабахнули несколько пистолетных выстрелов подряд, а следом раскатилась автоматная очередь. И тут же все стихло.

– За мной! – закричал майор и, врубив фонарь, ринулся под арку дома.

Капитан Воробьев был парень не промах, считал себя, и не без основания, классным специалистом. Работа в столичном ГАИ давала ему стабильную зарплату плюс свободу передвижения. Кроме того, у него были свои принципы, от которых он старался не отступать. Именно это, последнее, сыграло однажды весьма важную роль в его карьере. Так, он поста-

вил себе за правило никогда не сшибать у зазевавшихся частников тройков и пятерок, чем постоянно занимались многочисленные его коллеги. Он шерстил «крутых», и то лишь тогда, когда имел к тому все основания. Но уж тут без пощады. И без обоюдных жалоб. А такие ситуации в последнее время случались все чаще и чаще: сопливые юнцы с квадратными затылками, купившие себе права на вождение автомобиля, «наигравшись» в баснословно дорогие «мерседесы», «ауди» и «форды», сами, без всякого намека, снимали с себя золотые цепи и вешали их на шею неуступчивого капитана, лишь бы не держал, душу не травил наставлениями, а в другой раз по-приятельски честь отдавал.

Вероятно, однажды так случилось, что Павел Антонович, о котором Воробьев знал лишь одно: этот важный мужик обретается где-то в самых верхних сферах силовых структур, узнал о принципиальном гаишнике и заинтересовался им. Как быстро понял Воробьев, тогда еще младший лейтенант, мужик этот оказался покруче самых «крутых», с которыми до их пор приходилось иметь дело. Они ни разу так и не встретились, и вообще история их отношений была окутана тайной. А что, так даже интересней, кровь бежит быстрее!

Первые просьбы Павла Антоновича были простыми, а гонорары щедрыми. Однажды к Воробьеву, дежурившему на Сокольническом кругу, подкатил шикарный «линкольн». Вышедший из машины водитель передал гаишнику совершенно роскошную трубку редкого еще в продаже сотового телефона, научил пользоваться аппаратом, показал, где записан код Павла Антоновича, и велел всегда иметь телефон при себе. Для экстренной связи. И еще передал просьбу завести сберегательную книжку и номер тут же сообщить по этому телефону. Сел и уехал. Номер этот, скоро понял Воробьев, принадлежал посреднику, который сообщал своему шефу, и тот тут же перезванивал.

Время шло, Воробьева вдруг без всякой очереди повысили в звании, потом выделили однокомнатную квартиру в тех же Сокольниках, в доме, где проживало все бывшее райкомовское и исполкомовское начальство.

А потом просьбы невидимого собеседника, говорившего всегда с простецкой хитрецой, за которой проступал очень серьезный характер, стали походить на приказы: надо! требуется! старайся! и тому подобное. Попахивало уголовщиной. А с другой стороны, какие действия властей сегодня ею не пахнут? Но однажды «заказ» кончился гибелью клиента. Вероятно, на том и строился расчет. Но Павел Антонович не сказал по телефону ни слова упрека, а лишь посетовал, что клиент оказался дураком. Воробьеву же, заметил, ничто не грозит: не было его на месте «разборки». Напротив, начальство решило, что пора отметить своего сотрудника, и за какие-то особые заслуги снова вне очереди присвоило ему звание капитана. И счет на книжке рос, как бы сам собой. Изредка теперь капитан прижимал «крутого» наглеца, нужды в них не было. Но – цепями не брезговал.

И, словно для того, чтобы избавить его и от этой опасной и вредной привычки, то же самое высокое начальство, без всякого согласования с ним, перевело его в отдельный батальон оперативного реагирования дорожно-патрульной службы, где у него власти было поменьше, зато самостоятельности много больше, поскольку командир батальона, явно не без чьей-то высокой подсказки, держал его как бы при себе для выполнения особых поручений. И на частые отлучки реагировал спокойно, будто и сам все знал, хотя ни о чем не расспрашивал.

В общем, понял однажды Воробьев, чему, а вернее, кому служит. И так решил для себя: лучше одному и верно, чем коррумпированной бездарной власти, где все грызут друг друга и считают себя при этом единым государством. Приняв такое решение, он стал искать себе напарника. Нашелся способный парень, побывавший в горячих точках, уверенный в себе и, главное, не задававший вопросов. Пока сержант. Но Сережа – Серый – знал, что пока.

Воробьев объяснил, что за нужда заставила его поднять с постели напарника на ночь-то глядя. Тот без лишних слов экипировался и вышел к машине. Поехали вдвоем. Время

нынче сложное, преступность наглет на глазах, «разборки» на каждом углу, и редкая из них не кончается большой кровью. Поэтому никого не удивляло присутствие короткоствольного десантного «калашникова» на заднем сиденье гаишного «жигуля».

Дом отыскивали быстро, въехали во двор и наметили диспозицию. Дом был длинный, двенадцатизэтажный, построенный еще в начале семидесятых, подъездов на десять, не меньше. За эти четверть века узкий двор между однотипными домами густо зарос березами, тополями, кустарником. Под козырьками подъездов, через один почему-то, слабо светили электролампочки. И это было единственное освещение. За большинством окон тоже было темно, люди спали: завтра же рабочий день.

– Серый, думаю, эта лампочка нам будет мешать. – Воробьев показал на козырек подъезда и достал телефонную трубку.

Пока он набирал номер телефона художника, слушал женский голос, спрашивавший, кто звонит, Сережа быстро вошел в подъезд, где-то поколдовал, и лампочка погасла. Воробьев кивнул самому себе и удовлетворенно отключился. Теперь оставалось ждать, чтобы прилетел сизый голубь в черной «девятке».

Когда Сергей сел за руль, Воробьев предложил:

– Давай-ка, Серенький, отъедем вон туда, взад, так сказать. Я его, голубя, у подъезда встречу, а ты – сзади подстрахуешь. А в общем картина будет такая, будто мы за ним по пятам следовали. Как тебе?

– Можно. Но я бы дальше, за поворот сдал. Ну, как он не заедет, а пехом припрется?

– Резонно. Я иду, а ты давай действуй. Автомат у тебя.

Воробьев достал из кобуры и приготовил свой «макаров» к бою, выбрался из машины и тенью ускользнул в подъезд. Сергей же включил зажигание и, ловко развернувшись буквально на пятачке, уехал.

Ожидание уже становилось неприятным. Капитан понимал, что, если здесь действительно появятся, как предполагал Павел Антонович, оперативники, ему с Серым тут уже ничего не светит. Где же ты, голубь сизокрылый? Сизый, другими словами, как настойчиво повторял Антоныч, работодатель и покровитель капитана Воробьева. Еще немного подумав и прикинув, как все сделать в самом лучшем виде, гаишник решил все-таки ждать клиента не в подъезде, а возле угла дома: следователь ведь тоже попадаетесь умный, иди потом доказывай, что догонял, а не ждал заранее. Тут дело такое, что всякая малая деталь важна. Скажем, тот же носовой платок, чтоб сделать Серому отмашку, куда не надо стрелять. В такой темноте, если еще и глаза не успели привыкнуть, можно в упор и своего уложить... А что это там у нас за урчание?

Из глубины двора, от дальнего, десятого подъезда – значит, там тоже имеется выезд на улицу! – медленно двигалась черная машина.

«Ай, молодец, Серый! – едва не воскликнул Воробьев. – Точно угадал, как знал!»

Машина остановилась и заглохла. Никто из нее не выходил. Вероятно, водитель осматривался, а глаза его тем временем привыкали к полной темноте. Наконец открылась и негромко щелкнула дверца. Человек стоял возле машины не двигаясь.

Пора начинать, решил капитан и за спиной у себя сделал крестообразную отмашку для сержанта. Тот все понял, да и что тут было понимать, если все движения их давно уже согласованы и проверены в деле. Серый – он еще и потому Серый, что умеет быть незаметным. Он вышел на дорожку и взмахнул светящимся жезлом:

– Водитель черной «девятки» эс сто семнадцать эс-а, подойдите к патрульной машине ГАИ. Почему нарушаете? – Голос прозвучал спокойно и достаточно громко.

«Ну, давай же, давай же! – неистово торопил капитан. – Ты ж не за этим сюда приехал!...» А слух настороженно ждал. И дождался. Воробьев услышал легкий, почти неслышимый лязг металла. Так досылают патрон в ствол ТТ. Самое киллерское оружие...

– Хана тебе, Сизый, – негромко произнес Воробьев с точным расчетом, что обостренный слух убийцы должен был различить слова. Сказав, тут же присел.

В ответ раздалось два выстрела подряд. Одна пуля чиркнула по бетону почти над головой.

«Молодец!» – мысленно воскликнул Воробьев, резко выпрямился и трижды спустил курок. Мог бы и один раз, но следовало у окрестных жителей создать ощущение серьезной перестрелки. А еще должен добавить страху Серенький. Отмашка платком – и в небо ушла короткая автоматная очередь.

Теперь вперед.

Он лежал навзничь возле машины. Капитан мог и не проверять: стрельба в темноте была его коньком. Тем более что и силуэт виделся довольно четко. Подбежавший сзади Сергей шепнул:

– Вон они, – и стал деловито шарить по земле лучом фонаря.

– Машину подгоняй, я сам разберусь... Так! – Капитан зажег свой фонарь и направил его в сторону бегущих людей. – Кто такие? Попрошу подходить по одному!

Подъехала патрульная машина и фарами осветила группу людей в камуфляже и одного в милицмейской форме.

...Разобрались быстро. Капитан показал свое удостоверение, майор – свое. Майора Синева, естественно, заинтересовали все обстоятельства, предшествующие перестрелке. Капитан охотно рассказывал, вытирая платком вспотевший лоб, ясно, переволновался, да и как иначе, когда в тебя палят почти в упор. Подробно рассказал, как засекли наглого нарушителя еще у Преображенки, как гонялись за ним темными переулками – яйца надо поотрывать московским властям за такое освещение улиц! – как этот гад вильнул на предыдущем повороте, а они его «запечатали» на этом. Свой район надо знать! Вон сержант у меня, показывал капитан, лучший напарник, все ходы и выходы в уме держит. Ну а дальше что? Приказали выйти из машины и подойти к патрульной. А он выскочил и давай палить.

– Я вон оттуда бежал, – показал капитан на угол дома, – даже сам удивляюсь, как попал в него...

– Попал-то как раз хорошо, – хмыкнул майор. – Уложил вполне профессионально. Так что ж это за тип?

– А кто знает? Мы только подбежали, а тут и вы.

– Ты-то чего стрелял? – обернулся майор к сержанту.

– Я-то? – туповато, как и положено младшему чину, ответил Серый. – От страха, наверно...

– Молодец. Ладно, давайте смотреть. Олег, глянь, чего у него в машине делается. – А сам майор тем временем освобождал карманы убитого.

– Григорий Петрович! – воскликнул Артюша. – Глядите, здесь же все мои бумаги! И портрет – вот он! Глядите! Как здорово!

Следователь протянул рисунок. Майор посмотрел, сравнил с покойным оригиналом и только покачал головой:

– Действительно, как фотография. И кепочка-то, кепочка! Глянь, капитан! – Только он не мог понять, чему тут радуется следователь.

В бардачке Олег обнаружил черную кожаную сумку с документами и сотовый телефон. Подивился: ничего себе киллеры экипируются!

По документам убитый назывался Голубевым Анатолием Сергеевичем пятьдесят восьмого года рождения. Паспорт был выдан на основании справки об освобождении из мест заключения в ноябре девяносто пятого, то есть почти год он провел на свободе, этот убийца.

Установив личность убитого, предотвратив таким образом нависшую над головой художника опасность, майор наконец «вспомнил», зачем они сюда примчались. Поскольку

по вопросу правомерности произведения выстрелов и нанесения смертельного ранения гражданину Голубеву А. С. капитаном милиции Воробьевым Д. И. должно быть назначено соответствующее служебное расследование, его интерес к происшедшему полностью иссяк. Он связался с дежурной частью ГУВД и заодно вызвал труповозку, а Олегу предоставил право брать объяснения у действующих лиц этой истории. Сам же, без лифта, поднялся на шестой этаж, где его наверняка затаенно ждали и боялись подойти к двери, включить в прихожей свет.

На условные звонки и его голос дверь открылась. Первые его слова были:

– Где телефон?

Ему показали. Трубка лежала на аппарате... Кто?! Ну кому это было нужно?!

– Это наверняка сделала Наташка, – после безуспешного допроса созналась дочь художника. – Она терпеть не может беспорядка, обожает говорить по телефону и...

Ну, в общем, ребенок, что скажешь по этому поводу?

Майору показали крепко спавшую безмятежным сном праведницы светловолосую малышку, и он облегченно махнул рукой. Поинтересовался только, есть ли в квартире место, где мог бы до утра подежурить его человек? На всякий случай, пока начальство не решит, что делать дальше. Художник немедленно предложил свой диван в рабочем кабинете. Майор распрощался, извинившись за причиненное беспокойство, будто это он был виноват в заварившейся каше, но такова уж доля всех начальников, и попросил подождать, не ложиться спать, пока не поднимется его помощник, которого зовут Федором.

Кажется, на сегодня больше неприятностей не предвидится... А этот телок обрадовался как мальчишка, когда увидел в машине все свои потерянные бумажки!... Ну, слава Богу, все закончилось благополучно. Вроде бы... Но одна подспудная мысль не давала покоя опытному оперативнику. Никак не мог он понять, зачем надо было удирать убийце, едущему на серьезное дело, от каких-то гаишников? Ну, сунул им пару сотенных, бумажник не пустой, видел майор, там и баксы имелись. Так зачем все-таки? А этим что нужно было? В азарт вошли? Такое случается, знал по себе. Бывало, что по ошибке точно промеж глаз пулю всадишь, тут вариантов много... Впрочем, точный ответ дадут заключения судебных медиков и баллистов, возбудят дело – вот пусть сами и разбираются. Майор вздохнул, медленно спускаясь по лестнице. Очевидцев только нет, вот в чем дело. Интересный этот капитан...

А телок – то вроде успел за прошедшие часы чему-то научиться. Даже удивился майор Синева, когда увидел в салоне своей «Волги» посторонних людей. Смотри-ка, среди ночи где-то понятых раздобыл! В некотором отдалении томились, это было заметно, оба гаишника. Не отпустил их настырный следователь, велел ждать, когда дежурная оперативно-следственная группа придет. Да, разворачиваются события такого рода обычно очень стремительно, а затем начинается бесконечная рутина, от которой просто скулы сводит. И ничего не поделаешь: все должно быть оформлено по закону. Откуда, с какого места была выпущена пуля, куда вошла, где она? Впрочем, последнее покажет вскрытие. Куда стрелял ныне покойный и стрелял ли вообще?

Отослав Федора наверх, Синева резко присел пару раз, после чего стал раздеваться, чтобы освободить себя от тяжелого бронежилета. Поглядел, как старается телок: аж язык высунул от напряжения. Нет, дела, связанные с убийствами, ему поручать еще рано. Да и вряд ли после сегодняшнего прокола поручат. Уж очень зол был Борис Логунов, когда просил Синева по-возможности лично вмешаться в это дело. Трясло от ярости мужика. А что поделаешь? Где опытные кадры взять? Лучшие – по коммерческим структурам сидят, в баках зарплату считают. Вот и приходится из телков специалистов высиживать. А дела нынче пошли такие, что и настоящий зубр того и гляди рога обломает... Вот, к примеру, как это, нечего далеко ходить.

Майор Синев доверял своей интуиции, потому что она проистекала все из того же опыта. И этот Голубев совсем не прост, не обычный уголовник, переквалифицировавшийся в киллеры. Надо бы Олегу связаться с муровцами, у тех серьезная картотека на всю подобную публику имеется. Хотя зачем? Сейчас приедет бригада, а в ней наверняка будет кто-нибудь из МУРа, все же не простой покойник, с биографией...

Вот, к слову, только подумал, а они уже тут! Майор швырнул бронежилет в багажник «Волги», накинул свой камуфляж и пошел встречать въезжающие во двор автомобили с переливающимися на крышах огнями. Устроили, видишь ли, иллюминацию среди ночи...

Рафик, пришедший последним, стал разгружаться. Выбрался, согнувшись в три погибели, эксперт-криминалист, кивком поздоровался с майором. Вытащили осветительную установку. Тем временем пожилой судебно-медицинский эксперт, облаченный в белый халат поверх теплой куртки, успел осмотреть труп, посвечивая себе фонариком, и махнул рукой санитарам, которые ждали в стороне с носилками. Те подошли ближе и остановились возле трупа, но носилки не раскрывали.

«Начинается, – пробормотал Синев, – Господи, как это все скучно, особенно ночью...»

Из полицейского «форда» вылез наконец его величество «важняк», следователь Мосгорпрокуратуры по особо важным делам. Дежурил сегодня на Петровке, вот его и замели, пусть побегает, не без удовольствия думал Синев. Он все ждал кого-нибудь из муровцев. Есть! Не Бог и не царь, правда, но в герои однажды пробьется – Коля Саватеев, старший лейтенант и очень способный опер. Его сам начальник МУРа Грязнов опекает.

Увидев Синева, Коля вскинул над головой сжатые ладони и приблизился почти бегом.

– Привет! Какими судьбами?

– Здравствуй, Коля-Николай, рад тебя видеть. А насчет судьбы... Кто скажет что-нибудь определенное? Только в общих чертах. Ехал, понимаешь, киллер на работу, а к нему гаишники привязались. Он – удирать, они – догонять. Казаки-разбойники. Кончилось тем, что прямо у подъезда, где его ждала работа, они его и ухлопали. Причем красиво, сам увидишь. Вот и вся история. Хлопцы те – вон они. Киллер – отдыхает. Вопросы?

– Как я понимаю, – после паузы сказал Саватеев, – пока что тут только одни вопросы и есть.

– Очень верно заметил, – похвалил Синев. – А то я, честно, боялся, что приедет кто-нибудь, вон вроде моего «следака» из следотдела метрополитена, который в машине, – ткнул он пальцем в «Волгу», где все еще трудился Олег с понятами, – опись имущества покойного произведет и сразу все поймет и во всем разберется. Значит, теперь я могу ехать спать спокойно. Ну а остальное вам Олег, следователь, изложит, хочешь – в устном, хочешь – в письменном виде.

– А уделали вон те? – Саватеев махнул гаишникам рукой, приглашая их подойти.

– Ну да, они самые. И что характерно, ни тени раскаяния. Я бы так не смог. Или очень крепкие ребятки, в смысле тертые, или действительно асы. Выводы за тобой. Скажи этому индюку...

– Вы про «важняка»? Про Василь Васильича?

– Ага, про него самого. Скажи, если буду нужен, я всегда на месте. Пусть Логунову позвонит, и тот меня сразу отыщет. Лады?

– Может, у него вопросы возникнут?

– Конечно, но не ночью же! А потом, я ж тебе самое главное действующее лицо оставляю – следователя Артюшу, не улыбайся, это у него фамилия такая. Вы его потом только не забудьте, вывезите туда, где светло. Заблудится еще, материалы дела растеряет, едрить его в корень. Ладно, передай привет своему доблестному начальнику.

На площадке перед домом вспыхнул свет, усилилось движение, замелькала фото-вспышка, словом, пошла оперативно-следственная работа.

Синев открыл дверь «Волги» и предложил присутствующим перебраться поближе к месту происшествия. Потом показал Олегу, с кем ему теперь следует общаться, сел в машину и сказал водителю:

– Вася, мы устали, поехали на работу...

Время тянулось бесконечно долго. Воробьев, глядя на важного руководителя оперативно-следственной группы, на глазах терявшего свою вальяжность, решил подтолкнуть ночное действо и, зевая, заметил, что мир устроен несправедливо, если вот такие серьезные и умные люди, как Василь Васильич, из-за какого-то паршивого бандита вынужден жертвовать своим здоровьем.

«Важняк» с ходу слопал откровенный подхалимаж и недовольно заявил Саватееву, что действительно пора закругляться. В самом деле: гильзы найдены именно там, где они и должны были находиться, если принять версию капитана Воробьева. Понятые, оказавшиеся жильцами угловой квартиры на первом этаже, в один голос подтвердили, что слышали громкий приказ милиционера, потребовавшего, чтобы нарушитель подошел к машине ГАИ, а уже только потом началась жуткая пальба, после которой они долго боялись подойти к окну. Не дело, конечно, свидетелей понятыми приглашать, да где ж ночью других взять? Ну и что еще нужно? Однако пронырливый муровец все никак не мог успокоиться и подкидывал новые и новые каверзные вопросы. Совсем надоел. Воробьев сказал: «Пойду покурю», а сам сел в машину и велел Серому погулять рядом, посторожить. Время, конечно, было не самым лучшим, но что делать, если Павел Антонович ждет, как у него получилось с тем кино.

– Капитан говорит, – сказал Воробьев, когда услышал сонное «алло». – Павел Антонович отдыхает?

– Сейчас перезвонит, – зевнув, ответил диспетчер. И точно, не прошло и минуты, как прозвучал легкий зуммер.

– Что ж в такую рань звонишь-то, дружок? – Голос был хриловатый, но никак не сонный. – Аль чего не так вышло?

– Наоборот, все прямо как в кино. А что, в том фильме полиция тоже не верила фактам погони, перестрелки, думали, что все подстроено?

– Не-е, там все нормально. А кто у тебя такой ретивый?

– Долгачев из городской. Но ему МУР мозги пудрит.

– Ну, это уж не твоя забота, дружок. Отдыхай, я утром сам разберусь, что к чему...

Первым, кого увидел начальник следственного отдела УВД метрополитена Борис Петрович Логунов, приехавший на работу пораньше, был его подчиненный – следователь Артюша, душа из него вон. Скорбная фигура молодого человека могла бы у любого вызвать сочувствие, если уж не сострадание. Но не у Логунова.

Увидев начальника, Артюша поднялся со стула и вперил в Логунова наивный и виноватый взгляд. Глаза его излучали страдание, а на лбу, как не без злорадства отметил Борис Петрович, на этом превосходном тупом розовом лбу наконец-то появилась первая морщина. Во всяком случае, как-то просматривается легкая такая борозда... Или здесь, в коридоре, освещение такое? – тут же пожалел себя начальник. Но надо было как-то реагировать на серьезнейший проступок подчиненного. Вчера он, собственно, весь вечер только и делал, что «реагировал», вот гнев в свисток и вышел.

– Заходи... те, – не мог все-таки удержаться от колкости. Все знали, на «вы» он говорил с теми своими сослуживцами, кого не уважал. – Спали сегодня? – осведомился сухо.

– Да... то есть тут... подремал. Мы в три только закончили. Пока то-се...

– А какие же там особые-то дела? Мне еще в двенадцать Григорий звонил. Долгачев дело с собой забрал, «важняк»?

– Да, Василий Васильевич.

– Ну а ты наконец понял, что натворил?

– Понял, Борис Петрович. – Следователь опустил голову с красными оттопыренными ушами.

– Ну да, – хмыкнул неожиданно Логунов, – на, мол, начальник, руби повинную голову! А было б что рубить-то. Ладно, иди к себе, садись и сочини постановление о возбуждении уголовного дела в связи со смертью гражданки... имярек, последовавшей... и так далее. Надеюсь, тут тебя учить не надо. Прибщи к материалам имеющиеся протоколы допроса свидетелей. Они с тобой?

– Да, здесь, – словно обрадовался Артюша. – Василий Васильевич хотел их забрать, но я ж не мог отдать без решения... без разрешения. Вашего. И рисунок я оставил, показал только.

– А Долгачев что, очень хотел забрать?

– Я так понял, – неуверенно сказал Артюша.

– Ну и правильно понял. И поступил тоже правильно. Возбудим дело, подготовим документы, соответствующую сопроводилку и, раз уж он так хочет, передадим ему. Пусть сам и разбирается, коли такой умный. Иди работай.

А сам тут же позвонил в Мосгорпрокуратуру.

– Василь Василич, отдохнул? Привет, это Логунов интересуется.

– Здравствуй, Борис, а я хотел сам тебе звонить.

– Телепаемся, значит?

– Вроде того. Слушай, а симпатичный этот парнишка-то у тебя. Та-акой важный! Быть ему «важняком», помяни мое слово. Но – не скоро.

– Эт-то точно! Значит, на себя хочешь взять дело, или я не так понял? Ты учти, у меня нет ни малейших возражений, просто хочу чистую формальность соблюсти, ведомственную, так сказать. Коли решил, пусть уж твой моему позвонит, ну и оформим соответственно.

– Очень хорошо. Я сейчас поеду отдохну маленько, а ты паренька этого ко мне со всем хозяйством подошли... часам эдак к двум. Устроит?

– Мы ж коллеги, следователи, так сказать, хотя и из разных епархий. – Логунов знал, как любит этот «важняк» прямые проявления уважения к себе. Щеки надувает. – Мое почтение, Василь Василич.

Очень хорошо, лучше и быть не может! Пусть «важняк» сам раскручивает это дело, в котором уже сейчас, по мнению лучшего опера из всех, с кем довелось работать Логунову, Гриши Синева, имеется полтора десятка вопросов без ответа. И подключать к этому откровенно гиблому делу все свои силы Логунов просто не мог. Значит, оно логично переходило бы в разряд «висяков». А именно этого только и не хватало следственному отделу на метрополитене, прозорливым начальником которого он справедливо себя считал. И не без основания.

Глава 3.

Общаться с Константином Дмитриевичем Меркуловым всегда было для Турецкого делом необычайно приятным. Во всех отношениях. Особенно если ты, ко всему прочему, отсутствовал в родной тебе Генеральной прокуратуре длительное время и никоим образом не страдал от разлуки.

Костю, конечно, интересовало буквально все, не являющееся особым профессиональным секретом. Значит, бытовые мелочи: как и где жил, чем кормили, как проходили занятия. Все же остальное уже не могло относиться к его компетенции: не он оформлял командировку (хотя и не без его ведома), не ему и требовать отчета. Если быть справедливым до конца, то и вообще не было в настоящий момент в России такого лица, естественно, за исключением Президента, перед которым Турецкому пришлось бы встать по стойке «смирно».

Вот что значит – гражданин мира. Но это сугубо внешняя сторона дела. Что же касается Костиных интересов, то для их удовлетворения и был дан Турецкому отпуск за свой счет. Чтобы у руководства «Пятого левела», а тем более у кураторов из ООН, не возникло подозрений, будто силы, подведомственные исключительно им, используются для достижения чьих-то собственных посторонних целей. Другое дело, когда лично Турецкий попросил лично Реддвее оказать ему конкретную помощь. Тут возражений быть не могло уже по той причине, что все происходило между своими. Старая и вечная истина – рука руку моет. Блат, одним словом, подзабытое, доброе слово из социалистического лексикона. Разумеется, теперь Меркулов не без внутреннего напряжения, что было заметно по его якобы индифферентному виду, и ожидал результатов, высказанных им в мало понятном постороннему человеку факсе в южнобаварский город Гармиш.

Томить любое начальство, тем более такое, как заместитель генерального прокурора по следствию, было бы неразумно. Поэтому Александр Борисович, скомкав никчемную болтовню и изобразив таинственную мину на лице, полез в свой кейс.

– Видиком обзавелся? – Саша кивнул на большой телевизор «Сони», стоящий в углу, которым, судя по слою пыли на экране, Костя не пользовался.

– У Клавдии где-то есть. – Меркулов поднял трубку и нажал клавишу на пульте. – Клавдия Сергеевна, а ведь нам сейчас коробочка эта ваша понадобится. Видеоманитофон... Будьте любезны.

Минуту спустя с футляром видика в руках появилась раздобревшая секретарша, сияющая от нарочито внимательного взгляда Турецкого. «Да, маленько перебор, – подумал Саша. – Я представлял ее несколько более грациозной. Что с нами время-то делает...» Но все равно смотреть было на что, и Клавдия это прекрасно знала. Поэтому, присоединяя провода к телевизору, она как бы невзначай принимала наиболее выгодные для себя позы. А когда, повернувшись к ним спиной, зачем-то нагнулась и ее юбка, туго обтягивающая спелые формы, поползла вверх, Костя едва не схватился за сердце и сердито засопел.

– Ну, все, все! Оставь, он сам доделает! Не велик барин, чтоб за ним эдак-то ухаживали... Иди, Клавдия, ты свободна.

Секретарша выпрямилась, независимо повела плечами и, окинув начальников снисходительным взглядом, не ушла, а царственно удалилась из кабинета.

Турецкий едва сдерживал хохот, наблюдая сей спектакль. Ну конечно, не для Кости же демонстрировала свои щедрые прелести эта плутовка. Тем более что всем, включая, вероятно, даже дворника Генпрокуратуры дядю Федю, была известна почти патологическая верность Меркулова своей супруге. Как, впрочем, и его суровая требовательность к немногочисленным секретаршам, которые охотно меняли хозяев в этом доме, и лишь одна Клавдия Сергеевна олицетворяла собой постоянство деловой привязанности.

– Сашка! – кажется, Костя действительно расстроился. – Если ты будешь мне тут под-
рывать... Я хочу сказать: перенеси свои скабрзные шуточки и прочие безответственные
действия за стены! На панель! К своему развратному, как и ты, приятелю! Куда хочешь!
За последние полгода я не замечал у Клавдии ничего подобного... И стоило тебе только
появиться, как – нате вам! Это что? Чему вас там учили? На что наше государство деньги
тратит?...

– Перестань, Костя, что на тебя накатило?... – миролюбиво отмахнулся Турецкий. – Из
ничего готов раздуть... А кстати, чем тебе ее платье не нравится? То, что надо, открывает,
остальное – подчеркивает! Ей-богу, не понимаю, как тебе удавалось до сих пор не замечать?

– Ты нарочно взялся меня злить? Не выйдет. Ладно, давай, что там у тебя в «дипло-
мате»-то?

Турецкий достал из кейса папку с распечаткой, раскрыл и положил перед носом Мер-
кулова.

– Начинай читать. Это расшифровка их диалога. Ниже – мой отчет. Кассету я
тебе поставлю. Когда ознакомишься с текстом, можешь включить. Пойдет параллельно.
Поскольку я этот дурацкий текст знаю уже наизусть, позволю удалиться и сделать парочку
звонков. Кстати, и развратному приятелю. Надо же ему наконец узнать, что о нем думает
лучший друг и товарищ. И брат. Понадоблюсь, скажи Клавдии, она позовет. Ну, могу быть
свободен?

– А ты не хотел бы со мной? – как-то просительно сказал Костя.

– Я ж говорю, обалдел уже. Нужен новый подход. Или иная информация. Вот ты и
смотри, а то я только сбивать тебя буду.

– Ну, иди, – обреченно махнул ладонью Меркулов и поправил на носу очки...

...В приемной Турецкий сел напротив Клавдии, сдвинул по-хозяйски всю ее оргтех-
нику в сторону и устроил локти на столе.

– Все, Клавдия, учиняю тебе допрос с пристрастием. Сознаться, куда моих отпра-
вила? Почему это муж является домой после длительной заграникомандировки, а там его ждет
записка: «Мы здоровы, отдыхаем, скоро встретимся»? И все такое прочее. Твои интриги?

– Ой, ну что вы, Сашенька. – Она оглянулась, хотя в приемной никого, кроме них двоих,
не было. Заговорила доверительным шепотом: – Константину Дмитриевичу соседи наши,
ну... эти, из ФСБ, путевки предложили для его супруги. Чтoб они вдвоем могли отдохнуть и
полечиться. Это какой-то закрытый санаторий, не все ж еще растащили, там и врачи хоро-
шие, и бассейн, и все прочее. Недалеко от Москвы, в сторону Домодедова. Но Констан-
тин Дмитриевич не смог взять отпуск в связи с... в общем, вы сами знаете. Его по этому
поводу даже... – они низко склонилась над столом, – в Кремль вызывали. Одного, без гене-
рального. А у наших сразу такой шумок пошел, не могут же, чтоб не завидовать... Словом,
горела путевка. И тут он вспомнил про ваших. Позвонил, узнал, что за девочку можно вне-
сти небольшую доплату. За питание. Вот ваша Ирина Генриховна и поехала с Ниночкой. Я
считаю, правильно. Время сейчас хорошее, пусть отдыхают. Ну а... а у тебя какие планы?

– Планы мы еще обсудим, только у меня к тебе просьба, ты не зли Костю. Он и так,
видишь, на одних нервах. А тут еще ты со своей задницей.

– Саша! – хотела сконфузиться Клавдия, но лишь прыснула от смеха.

– Да я ж при нее ничего плохого сказать не могу, лично мне нравится. А у Кости –
другое мнение. И вообще, он думает, что это я тебя в койку за уши волоку, а не ты – меня.
Правды не знает, понимаешь?

– Ха! Можно подумать! – изобразила она гордую неприступность.

– Не будем спорить, – согласился Турецкий. – Легче проверить.

– Не играйте с огнем, Турецкий! – с пафосом изрекла Клавдия.

– Вот, вот, – заторопился он. – Поэтому сегодня ты остывай, поскольку дел, вижу, не проворот, вечер придется коротать с Костей, сама понимаешь, ну а на неделе, надеюсь, ты сможешь выделить и мне ма-аленький уголок в своем сердце, чтоб я не сильно потеснил твоих поклонников?

– Нет, вот сколько я тебя знаю, ровно столько лет ты всегда оставался жутким и само-надеянным нахалом. Ну как же плохо ты думаешь о женщине!

– О тебе, Клавдия, я всегда думаю даже слишком хорошо, в чем надеюсь убедить тебя в ближайшее время. Готовься. А теперь давай в двух словах: где у нас кто и чем занимаются?

Серьезная информация, – а Клавдия Сергеевна умела быть деловой женщиной, за что ее, собственно, и ценили, – заняла не более пяти минут. И через это короткое время, входя в свой кабинет, Саша был уже в курсе всех основных событий и новых дел, принятых к производству следственной частью Генпрокуратуры. Радости эти знания не прибавляли.

Еще из краткого утреннего сообщения Кости Турецкий знал, что последние два месяца, как, впрочем, и весь прошедший год, не принесли кардинального улучшения в работе российской прокуратуры под руководством нового генерального. Многие с его приходом связывали определенные надежды: ученый человек, опытный руководитель и так далее. А оказалось, не туда смотрели. Хоть не жулик, как прежний, и то спасибо. Зато мастер давать обещания. И перекладывать вину на любые второстепенные обстоятельства. Количество дел резко возрастало, создавались громоздкие оперативно-следственные бригады, при этом само расследование преступлений, особенно тяжких, в том числе заказных убийств, топталось на месте. Средства массовой информации, и прежде не жаловавшие особо Генпрокуратуру, теперь вообще не принимали всерьез ни очередных обещаний раскрыть и примерно наказать, ни обтекаемых отчетов генерального прокурора в Государственной Думе и прочих высоких инстанциях. Весело. И на кой черт в этих обстоятельствах нужен мистеру Турецкому, как он привык уже, чтоб его величали, и этот пахнущий застоялой пылью кабинет, и само здание за черной кованой оградой. Тут его будут топтать ногами, а там, откуда он вернулся, его готовы были и дальше на руках носить. Так ли уж прав он, тоскуя о Родине?...

На его звонки не отзывались. Ну ясное дело, середина дня, народ вовсю трудится, сыщики носятся сломя голову, а сам великий руководитель Московского уголовного розыска Вячеслав Иванович Грязнов, с недавних пор возглавивший наконец организацию, которой в прямом смысле подарил лучшие свои годы, видимо, остался верен своей привычке и не сменил привычное седло шерифа на кресло столоначальника. Ищи его по всей Москве! Откликнулся единственный человек, и тот, разумеется, женщина – Лиля Федотова. Она не просто откликнулась, она обрадовалась.

– Саша! Господи, какой ты молодец! Ты же устроил мне самый настоящий праздник!... Турецкий попробовал было охладить ее темперамент, но та не слушала.

– Я тебя жду! Жду немедленно! Хорошо, если сразу не можешь, то вечером, ночью, когда захочешь! Не появишься – смертельно обидишь...

– Но почему?

– Да потому что я праздную день рождения. Одна. Никого близко даже не подпускаю. Все надоели! А тут – ты! Вот радость!

Лиля Федотова – хороший человек, это знал Турецкий. Следовательно, конечно, так себе. Но ей это и не нужно. Красивая женщина уже одним тем прекрасна, что красива. А если у нее есть еще и хотя бы самая малость ума – ей вообще равных нет. Лиля же имела ум, правда иной раз не туда направленный, но целеустремленный. И она могла бы добиться многого, если бы поставила себе такую задачу.

Однажды ее стараниями у нее с Александром едва не состоялось бурное любовное приключение. Ею все было загодя подготовлено, даже разучена пьеса из трех, примерно, актов, железно распределены роли и места в партере, но Лиля, переоценив свои силы, заты-

нула с экспозицией, а Турецкий, не совладавший с собственными эмоциями, позорно заснул. Благодаря такому финалу их дальнейшие отношения приобрели чистоту и ясность горного хрусталя, если иметь при этом в виду также и не чрезмерную его ценность.

Однако что бы там ни было, а обижать женщину – такое никогда бы не смог себе простить Александр Борисович. Тем более что и совесть его в некотором роде была чиста: он ведь к семье всей душой, а та – отдыхает, видите ли. С другой стороны, закономерен вопрос: а зачем у тебя автомобиль? Тот, что презентован фирмой «Глория»? Адреса не знаешь? Ехать далеко? Все-то оно так, но как же на ночь глядя? Логично, успокоил себя Турецкий и принял для себя на сегодня окончательное решение.

И в этот момент его любезно пригласил к себе Константин Дмитриевич Меркулов.

– Если ты думаешь, Костя, что я в настоящий момент работаю в Генеральной прокуратуре, то...

– На это не мог бы рассчитывать даже Президент нашей бывшей державы. Хватит трепаться, садись.

И понеслось...

– Ты вообще-то газеты читаешь?

– При нужде, Костя. А что тебя так волнует?

– Обратил внимание, о чем у них шла речь? Пословицы Эразма, конституция Венеции... Ни о чем не говорит?

Турецкий безразлично пожал плечами.

– Ах, ну да, – словно вспомнил Меркулов, – если не ошибаюсь, как раз в прошлом декабре всем нам было не до того... Ну, в общем, хочу напомнить, если ты знал, да забыл, как тот студент, что в те дни в Библиотеке Ленина были дерзко похищены два уникальных издания. Именно те, о которых вели беседу твои подопечные на лыжной прогулке в Альпах. Тебе это не кажется странным?

– Теперь кажется. Но пока не знаю почему. Скажи.

– Говоришь, что помнишь их беседу наизусть? Вот и подумай на досуге, почему одного из крупнейших коллекционеров Америки – я цитирую твою же справку – интересуют раритеты, пропавшие из нашей «ленинки» год назад. Или интересовали. В прошлом. Кстати, и ваша с Питером догадка о том, что приведенные на листке цифры – это некие суммы, вокруг которых шла торговля, не такая уж и фантазия. Понимаешь теперь, о чем, возможно, у них шла речь?

– Да чего теперь?... Воруем-с... И продаем, так?

– Ну, полагаю, это было бы слишком упрощенным решением. Хорошо, на сегодня я, конечно, освобождаю тебя от своей опеки. Смешно думать, что застаю тебя телефонным звонком – и дома. Но, Саша, я очень тебя прошу, пожалей себя. Выглядишь ты неплохо, не буду отрицать, поэтому разрешаю использовать еще и завтрашний день для поездки в Домодедово, ну а послезавтра милости прошу. У нас и так людей не хватает.

– Ну знаешь!... – разочарованно протянул Турецкий. – Мы так не договаривались... Да и приказа, насколько я понимаю...

– Приказ уже есть, – усмехнулся довольный Меркулов. – А дело мы тебе найдем... Знаешь, о чем я все время жалею?

– Ну? – буркнул Турецкий.

– Что все эти дела по громким убийствам журналистов не в твои лапы попали. С твоей настырностью и наплевательским отношением ко всем авторитетам, включая наивысшие, ты бы уже раскрутил их и передал в суд. А мы тянем, обещаем, врем, понимаешь...

– Но, Костя, раскрутить, чтоб сдать в архив, – много ума, сам догадываешься, не нужно. Вспомни, сколько моих клиентов ушло в суд? Единицы. А сколько ускользнуло благодаря прямой поддержке кремлевских советников? Так на кой хрен мне это все?

– Фу! Ты был и остался грубияном... – поморщился Костя. – Даже заграница не смогла ничему путному научить тебя, босяк...

Мощные фары и прожекторы служебных и спецмашин заливали почти дневным светом тесный двор на Таганке, словно нарочно плотно заставленный ночующими под открытым небом частными автомобилями. Из черного прогала в стене на уровне второго этажа, клубясь поднимался не то оранжевый пар, не то багровеющий дым. В эту рваную дыру по горизонтально протянутой пожарной лестнице шустро бегали парни в серебристых шлемах и робах, с красными баллонами за спиной. Действо, как понял Турецкий, уже заканчивалось. Кульминация осталась в прошлом. Можно спокойно себе подниматься на лифте, если он не отключен в связи с пожаром, но проклятое любопытство обывателя зачем-то толкнуло в негустую толпу зрителей. Зачем?

– А вот и наш многоуважаемый Александр Борисович!

Турецкий вздрогнул и обернулся: нельзя было не узнать этот наглый и хриплый басок.

– Кажется, здесь кто-то осмелился утверждать, что мы можем обойтись без «важняков»? – продолжил Славка насмешливым тоном.

– Здорово, Слава, – спокойно, будто расстались пять минут назад, сказал Турецкий.

– И тебе, Саня, тем же концом и по тому же месту. Каким нюхом?

– В смысле ветром?

– Не-ет, именно нюхом! – Грязнов протянул ладонь и крепко встряхнул руку Турецкого. – Неужто сам догадался? Или Косте уже доложили? А с какой стати? – Грязнов сделал паузу. – Нет, вашему брату тут делать нечего. Значит, ты здесь свой собственный интерес имеешь? Давно?

– Что – давно?

– Прибыл, говорю.

– Утром прилетел.

Грязнов отвернулся, и этот его жест Саша расценил как обиду: мол, целый день в Москве – и не удосужился даже позвонить... Но Турецкий и не мыслил оправдываться, еще чего не хватало!

– А вас-то сюда что занесло?

– Нас? – Грязнов нарочито хмыкнул. – И не что, а кто. Так будет правильнее... Значит, спрашиваешь кто? А начальство. Ехайте, говорит, и под личную, стало быть, ответственность. Но вот что под эту самую ответственность, не сообщило. Вот теперь стоим и думаем, в какую сторону толковать. Не подскажешь?

– Подумать надо, – философски изрек Турецкий. – Я смотрю, даже эмчээсовцев подняли. Как на пятую категорию.

– Ага, – словно обрадовался Грязнов. – Мне дежурный службы МЧС перезванивает и интересуется: не знаешь, кого это рванули? Неужто добрались? А я ему, поскольку знаю не больше, отвечаю: не, еще не добрались. Когда доберутся, думаю, предупредят.

– Смотрю, вы тут без меня совсем, понимаешь, распоясались!

– Есть маленько, – усмехнулся Слава. – Так какой, говоришь, интерес имеешь?

– Потом скажу, – многозначительно пообещал Турецкий. – Тебя, кстати, тоже касается.

– Ах, ну да, конечно, как же, как же...

К Грязнову подбежал оперативник Коля Саватеев. Нос его и надбровные дуги были черны от сажи.

– Можем пройти, Вячеслав Иванович, – доложил он. – Группа уже приступила.

– Господин старший лейтенант, сделайте милость, вытрите нос, – мягко сказал Турецкий.

Саватеев мельком глянул на него и хмыкнул:

– Здравствуйте, Сан Борисыч! – и локтем вытер лицо, размазав черноту по щекам.

– Иди умойся, – ухмыльнулся и Грязнов. – Ну что, господин «важняк»? Не желаете с нами, раз уж вы все равно тут?

«А на кой черт мне это надо?» – чуть было не заявил вслух Турецкий, но лишь махнул рукой: мол, теперь все едино...

Лестничные пролеты и площадки в этом доме, построенном задолго до войны и отличавшемся мрачной монументальностью и снаружи, и внутри, были просторными сверх меры. В те годы строили не скупясь, не экономя на служебной площади. Куда нам, нынешним-то! Турецкому – ни к селу ни к городу – вдруг вспомнился анекдот, который любили рассказывать лет эдак двадцать – двадцать пять назад, когда народ уже обжился в «хрущобах», эйфория прошла и все стали обращать внимание и на низкие потолки, и узенькие коридоры, и прочие досадные «мелочи» быта... Так вот, гуляет за столом веселая компания, вдруг звонок. Хозяйка радостно открывает дверь и тут же бухается в обморок: в квартиру вносят гроб с покойником. «Ты нас извини, хозяйка, – оправдывается один из „группы товарищей“, несущих гроб, – нам просто развернуться надо». Разворачивают гроб на сто восемьдесят градусов и уходят...

Ну, на такой лестнице, как здесь, трудностей у провожающих не будет.

– Ты бы в двух словах ввел в курс дела... – взяв Грязнова за плечо, негромко сказал Турецкий.

– Ах, даже так? – Слава всей ладонью стянул с головы свою знаменитую «оперативную» кепочку, которой иной раз пользовался для вящей популярности и Турецкий, промокнул носовым платком рыжеватые остатки некогда буйных кудрей и отошел к стене, пропуская мимо врача, санитаров с носилками и прочую необходимую в подобных крайних ситуациях служилую публику.

Грязнов рассказал, что в шестнадцать часов с минутами был звонок по 02. Это естественно, поскольку куда ж еще звонить, если где-то что-то произошло? Вот и в данном случае: сильно воняет газом. Дежурный переадресовал звонившую на 04, то есть к газовщикам. Но та сквалыжная тетка подняла такой крик, что дежурный сдался, записал адрес и сам вызвал аварийку. Пока он записывал адрес, успел узнать попутно, что воняет, собственно, из квартиры, где проживает мадам Красницкая, которая является ответственным работником, а также вдовой крупного врача из «кремлевки» и дочерью бывшего заместителя наркома, кажется, самого Орджоникидзе. Такая вот семейка. И в квартире у этой дамы самый настоящий музей. Звонившая – соседка по лестничной площадке – бывала в гостях напротив и видела своими глазами. И вот теперь ее собачка, которая первая унюхала запах газа, задыхается и отчаянно воет. И все это может означать одно: хозяйку, конечно, убили, а музей ограбили.

– Такая вот информация, – сообщил Грязнов. – Теперь тебе диспозиция ясна? Вроде бы и чушь собачья, а с другой стороны – как посмотреть...

– И что же дальше?

– Как раз этот вопрос я и выяснял до твоего появления. Ну а сам не хочешь колотиться?

– Когда я расколуюсь, Славка, ты рыдать начнешь. Причем совсем не по делу.

– Скажите пожалуйста!... Ну, пошли дальше.

Площадка и лестничные пролеты были освещены лампами-переносками, питающимися от спецмашины спасателей. Собственный свет в доме был, естественно, отключен. Как и газ тоже. Последний уже сделал свое дело. Это было видно в распахнутую дверь квартиры.

Без всякого почтения отстраняя жильцов, столпившихся на площадке, Грязнов с Турецким вошли в квартиру и прикрыли за собой мощную, всю в клыках запоров входную дверь.

– Ничего себе! – покачал головой Турецкий.

– Изнутри открывали, – сказал Грязнов. – Через дыру в кухне прошли, огонь погасили и только тогда смогли отворить эту махину.

По просторной четырехкомнатной квартире, было видно, прокатился огненный смерч. Но стены оказались добротными, капитальными, поскольку отцы наши строили на совесть, и рванувший газ уничтожил лишь интерьер этой квартиры, не успев перекинуться на другие этажи.

– Сюда, товарищ полковник! – крикнул, вероятно из кухни, Саватеев, и Грязнов поспешил на зов.

Турецкий огляделся. Бегающие по стенам и полу лучи фонарей пожарных являли взгляду полнейший разгром. Обгорелые остатки мебели, какие-то тряпки, куски штукатурки, непонятные железки – и все покрыто грязными шапками и разводами оседающей и противно воняющей пены. В большой комнате с выбитыми наружу переплетами оконных рам, куда вошел Турецкий, осторожно ступая по скользким обломкам дерева и осколкам явно старинной посуды, рухнувшей из сгоревшего буфета, он обратил внимание на одно странное обстоятельство. Стены здесь были увешаны, видимо, большими картинами в тяжелых музейных рамах. Некоторые из них имели провололочные крепления, иные висели на веревках. Поэтому часть обугленных остатков рам осталась на крюках, вбитых в стены, другие же рухнули на пол и валялись кучей головешек как раз под тем местом, где торчали гвозди. При сильном пожаре, когда горит старое сухое дерево, так оно и должно выглядеть. А что не дотла сгорело, так это уж пожарные подоспели, не дали огню распространиться. Но как оказались прямо посреди комнаты вот эти остатки обгоревших рам, сваленных, видимо, кучей возле здоровенного стола на могучих ножках, который даже такой мощный пожар взять не смог, слегка обуглил только? Глубоко, до самого бетона, прогоревшая широкая полоса паркета вела от этой кучи на кухню.

Экспертиза, конечно, покажет, но у Турецкого было ощущение, что в смешении запахов горелого дерева, тряпок, пластмассы и специфической вони противопожарных средств присутствует знакомый всем водителям, неуловимый почти бензиновый чад. Впрочем, возможно, его приносит ветром снаружи, от скопища автомобилей... Но тогда почему такой ровной дорожкой выгорел паркет на полу?

Дежурная бригада и оперативники Грязнова толпились на кухне. Санитары как раз выносили на носилках закрытый пластиковый пакет.

– Хозяйка? – спросил Турецкий.

Грязнов пожал плечами, потом кивнул:

– Похоже на то... Градус разберется.

Он имел в виду почтенного судебно-медицинского эксперта Бориса Львовича Градуса, крупнейшего специалиста и по части обгоревших трупов, и не в меньшей степени – по тем градусам, которые обычно закладывают за воротник. Словом, большой мастер, пьяница и матерщинник, работать с которым и удовольствие, и кошмар.

– А разве он был тут? – удивился Турецкий.

– Только что ушел... А что, нужен? Так догоняй, он, поди, еще на лестнице.

– Упаси Боже! – Турецкий сделал вид, что испугался, чем вызвал улыбки у окружающих. – Ну и чего изрек наш оракул?

– По его мнению, женщину сперва убили. Или оглушили. И устроили вот тут, возле распахнутой дверцы газовой плиты. Ну а уже потом произошло все остальное: взрыв газа, пожар... Окончательный ответ даст экспертиза.

– Значит, все-таки убийство.

– Нельзя исключить, Александр Борисович, – сказал, выходя из темного угла, майор милиции, – здравствуйте... чуть не сказал: добрый вечер!

– Да уж какой добрый. – Турецкий протянул руку, поздоровался: – Привет, Петр Ильич. А кто следователь?

– Парфенов, из окружной. Вы его вряд ли знаете.

– Игоря-то? – хмыкнул Турецкий. – А где он?

– Там, – махнул майор рукой к выходу. – Свидетелей опрашивает.

– Я ему пару слов хочу сказать... Потом, – остановил Турецкий майора, двинувшего было на поиски руководителя оперативно-следственной группы. – А что, мужики, – обратился ко всем сразу, – у вас нет ощущения, что дело тут бензинчиком припахивает?

– Так Градус прямо с этого и начал, – отозвался эксперт-криминалист, щелкавший своей вспышкой возле развороченной взрывом газовой плиты.

– И еще обратите внимание на дверной звонок, – сказал Саша. – Его основательно оплавило, но, я помню, точно такой же был когда-то и в моей коммуналке на Арбате. Допотопная старина. Искрил здорово. А ты помнишь, Грязнов?

Тот пожал плечами – ни да ни нет. Но Турецкий не обиделся, он хорошо знал это качество Славки: все слышать, все принимать во внимание и при этом не отвлекаться от главного своего дела. Поэтому Саша обернулся к майору Родионову и тронул его за рукав.

– Так где, говоришь, Игорек? У соседей? Ладно, сам найду. – И уже у выхода сказал Грязнову: – Вячеслав Иванович, ты еще долго будешь?

– Да в принципе, – отозвался Слава, – картина более-менее ясная...

– Ага, почти... Я тебя там подожду, – сказал Турецкий и вышел из квартиры.

Грязнов посмотрел ему вслед и, неожиданно хмыкнув, покачал головой.

Вряд ли кто-нибудь из присутствующих всерьез обратил внимание на две последние брошенные фразы, которыми обменялись Грязнов с Турецким. Но сами они хорошо понимали друг друга, ибо работали, что называется, рука об руку без малого полтора десятка лет. Вот и этот несчастный на первый взгляд случай теперь уже таковым вовсе не представляется. Те, кто готовили здесь пожар, явно старались представить дело так, будто пожилая хозяйка стала жертвой собственной неосмотрительности. Но грубо сработано. Очень грубо.

Выходя на лестничную площадку, Турецкий еще раз внимательно оглядел массивную, почти крепостную, дверь с тройными клямками мощных запоров. Ее и взрывом не взяло. А поскольку не взяло, значит, было что за ней хранить. С уверенностью теперь можно рассуждать и дальше: то, что хранилось за этой дверью, в настоящий момент в квартире отсутствует. Иначе для чего разыгран этот зловещий спектакль с обгорелым трупом хозяйки? Кстати, хозяйки ли? Но это уже в компетенции Бориса Львовича Градуса. Далее: как была открыта дверь, кем? Самой хозяйкой или?... Где дверные ключи?...

Турецкий как бы включился в следствие и стал составлять для себя по привычке необходимый вопросник, из которого в дальнейшем должен сложиться подробный план расследования совершенного преступления, на что указывали сваленные посреди комнаты и облитые бензином тяжелые золоченые багеты. А где же сами картины? Украдены?... Как странно, почему-то не интересовался прежде, остаются ли вещественные следы от сгоревших живописных полотен? Надо бы сюда Семена Семеновича Моисеева, этот зубр криминалистики чего-нибудь, да отыщет. А Игорьку, конечно, теперь пахать и пахать...

...На лестничной площадке, несмотря на вялые протесты участкового, гудело народное вече: похоже, собрались жильцы всех семи этажей первого подъезда этого многоквартирного дома, от рождения своего не признававшего коммуналки. Во всяком случае, Турецкому показалось, что среди горячо обсуждающих событие преобладала публика солидная.

– Генпрокуратура, Турецкий, – представился Саша краснощекому капитану милиции и, не дожидаясь, пока тот назовет себя, спросил:

– Тут где-то следователь должен быть, Парфенов, видели?

– Там они, – показал капитан пальцем в приоткрытую дверь квартиры напротив. – Ну, вааше!... – и показал головой не то с осуждением, не то с юмором.

Впрочем, оценить последнее Турецкий смог, едва переступил порог квартиры номер три. Она оказалась однокомнатной, но довольно большой, с альковым. И освещена в насто-

ящий момент большой старинной керосиновой лампой под стеклянным абажуром. Увидев «важняка», Игорь встал из-за стола, словно собираясь докладывать, но Турецкий жестом ладони предложил ему сесть и обернулся к хозяйке.

Пожилая крупная дама в атласном, переливающимся всеми красками радуги халате, сидела в кресле у стола напротив следователя, заполнявшего, надо понимать, протокол допроса свидетеля, и на коленях у нее примостилась лохматая собачка с блестящими выпуклыми глазами. «Собачка задыхается и воет», – вспомнил Турецкий.

Мгновенно оценив старшинство вошедшего Турецкого, хозяйка ринулась к нему, а собачка завизжала так, будто ей наступили на хвост.

– Нет! – закричала хозяйка, словно находилась не в собственной квартире, а на одесском Привозе. – Вы только послушайте! – Она ткнула своей собачкой в Игоря. – Я заявляю про то, как все было с самого начала, а мне устраивают пытку: когда я Пусю, извините, водила гулять? Ну?! Я говорю, что мы с Пусей первые унюхали эту газовую вонь, чтоб она сдохла, а мне говорят, в каком часу!

– Я понял! – едва сдерживая улыбку, Турецкий вытянул обе руки перед собой, пытаясь остановить поток красноречия. – Все! Уже все абсолютно понял. – Он невольно скопировал этот анекдотически повсеместный южный акцент, чем изумил даже даму с собачкой, не говоря о следователе окружной прокуратуры, который едва не ткнулся носом в разложенные листы протокола. – Можно мне вам по секрету?

– А ну? – охотно насторожилась дама.

– Так я вам скажу, – перешел на таинственный шепот Саша, – чтоб вы знали, мадам, он, – Турецкий показал глазами на Парфенова, – самый у нас в прокуратуре умный и главный следователь. Вы знаете, чей он ученик? – И, увидев замершие в волнении глаза хозяйки, поднял указательный палец вверх: – О!

Дама немедленно оценила жест и с полным пониманием возвела очи к люстре, которая в этот момент вспыхнула всеми пятью лампочками. Слава Богу, электрики постарались и дали свет. Но эффект данного события превзошел все ожидания: Рива Марковна – так звали шумную хозяйку квартиры номер три – была прямо-таки потрясена знамением. Оставалось надеяться, что и трезвый житейский разум ее не покинет, а Игорю Парфенову удастся зафиксировать ее показания согласно установленному уголовно-процессуальным кодексом порядку. Не давая ей опомниться, Саша пророчески вскинул руки:

– Ну вот! А я вам что говорил?! Вы меня извините, но мне совершенно необходимо сказать господину следователю буквально несколько слов. Секретно!

– Ой, я так вас понимаю! – почти с робостью откликнулась дама. – Я с удовольствием выйду.

Когда за ней закрылась дверь, Игорь беззвучно захохотал, зажав рот обеими ладонями, глаза его заблестели от слез.

– Александр Борисович, вы больше, чем Бог! Я ж за полчаса ни одного слова не мог вставить! Ну прямо какой-то словесный понос при умственном запоре! А вы – бац! – и уноси готовенького!...

– Ладно тебе, – ухмыльнулся польщенный Турецкий. – Ты вот что послушай...

Сжато, чтобы не тянуть времени и не вызывать нездорового любопытства у хозяйки квартиры, Турецкий изложил Игорю свои самые первые соображения, перечислил те вопросы, которые возникли по ходу осмотра места трагедии, а в конце пообещал оказать посильную помощь. Коли нужда возникнет, разумеется.

Судя по выражению глаз, Игорь никак не мог решить основное для себя: зачем Турецкому потребовалось так детально излагать план следственных мероприятий, если «важняк» сам ведет это дело? И когда Саша объяснил ему, что оказался здесь случайно, тот не поверил,

убеждая себя, что в этом деле наверняка есть какая-то важная тайна, о которой ему, следователю окружной прокуратуры, пока знать не положено.

Ни один из собеседников не мог себе сейчас даже и представить, насколько оба они были недалеко от истины. Но...

– Короче, Игорь, я бы сформулировал ситуацию следующим образом: взрыв газа спровоцировал тот, кто нажал на кнопку звонка. Нарочно или по незнанию. Возможно, на этом и строился расчет. Поинтересуйся заодно, сколько времени нужно газу, чтобы заполнить объем той квартиры до взрывоопасного состояния. Надо же иметь временную точку отсчета. А это, Игорь, дадут только свидетели. В общем, как говорил Остап Бендер, я человек завистливый, но в данном деле, извини... Ладно, тряси свою одесситку. Привет, коллега!

На лестничной площадке он столкнулся с выходящим из сгоревшей квартиры Грязновым.

– Нашел? – поинтересовался Слава.

– Поговорили, – усмехнулся Турецкий и подмигнул заинтригованному участковому: – Знаешь, капитан, что сказала знаменитая одесская бандерша, когда от нее выходил голландский матрос? «Да! Но не ой-ё-ёй!» Понял? А ты – вааще!...

– Это ты про что? – спросил Грязнов, тщетно пытаясь вытереть руки уже темным носовым платком.

– Он знает, – глядя на участкового, ответил Турецкий. – Счастливо оставаться, капитан. Напомните, чтоб дыру на кухне не забыли заделать. Хорошо – осень теплая. А если б мороз? Уже все трубы полетели бы, к чертям собачьим. Ночью-то, поди, холодно.

– Да я уж сказал, – заметил Грязнов. – Николай, ты с экспертами?

– Вы меня не ждите, Вячеслав Иванович, – отозвался Саватеев из глубины квартиры. – Мы, пока не закончим, не тронемся. А транспорт есть.

– Ну, валийте, – Грязнов натянул свою кепочку, небрежно козырнул участковому и стал спускаться по лестнице. – А ты на своей, Саня, или на служебной? Я что-то не заметил.

– А чего ты вообще замечаешь?

– Есть кое-что... Но ты не ответил.

– Что отвечать? Скажу: на служебной, значит, мы большой интерес имеем. А если на своей – снова начнешь догадки строить.

Они вышли во двор. Пожарные и ребята из МЧС уже разъехались, осталась пара оперативных машин и «рафик» экспертов. Кстати, и личных машин маленько поубавилось. Привыкли нарушать, под самыми окнами свой индивидуальный транспорт ставить, вот кое-кому и досталось сегодня: обломками стены звездануло, спасатели добавили, они ведь «очень любят», когда им мешают работать. Вот и досталось – кому по крыше, кому бампер свернули, когда в сторону оттаскивали, освобождая фронт работы. Раз тут не положено ставить автотранспорт, то уж извини, хозяин, сам виноват.

Слава немного позлословил на этот счет и наконец вернулся к самому первому своему вопросу: каким нюхом и так далее.

– Да я ж говорю: случайно! Еду мимо, слышу – Грязнов командует. А я его, представь себе, месяца два уже не видел. Вот и решил поглядеть – что да как. Себе на шею. Приткнулся вон, – Саша показал пальцем на красную «семерку», стоящую в стороне, возле высоких и тонких деревьев, кажется, их называют канадскими кленами, которые составляли не Бог весть какой зеленый оазис посреди неуютного квадратного двора, постоянно заполненного выхлопными газами доброй сотни индивидуальных автомобилей.

– Так это ж... – узнал Грязнов.

– Точно так, господин полковник. Я еще не поздравил вас с повышением в звании. И в должности. Потерпите несколько минут.

– А! – отмахнулся Грязнов, испытывая тем не менее определенную гордость: все-таки назначили начальником Московского уголовного розыска. Хотя и временно исполняющим обязанности. Ну да, возраст уже не тот, чтобы все начинать сначала.

– Да уж погордись, погордись, – с улыбкой, но без всякой иронии поощрил друга Турецкий. – Мне как сказали...

– Врешь ты все. Откуда там, в Европе, могли знать?

– Там, – особо подчеркнул это слово Турецкий, – следят за всеми нашими перестановками, Слава, и гораздо серьезнее, чем в родимом Отечестве. Мне даже, не скрою, было весьма приятно, да и... престижно давать по этому поводу интервью, в том смысле, что, мол, нет худа без добра, и когда снимают некоторых, так сказать... ну, ты понимаешь, о ком я, и на место этих трепачей сажают наконец толковых работников, то это определенным образом сказывается на имидже державы. В общем, в этом смысле. Зарубежный народ все прекрасно понимает и приветствует.

– Слова какие знаем: имидж, престиж! Скажите на милость! – пробормотал Грязнов, но он был доволен – это заметно.

– А насчет машины – поройся в своей дырявой памяти: это ж гонорар, или, если хочешь, премия от известной тебе фирмы «Глория» за норильское дело. Эх ты, сыщик, едрена корень!...

– Ну ты уж вообще чего-то сверхъестественного от меня требуешь, – засмеялся Славка. – Ладно, будет зубы заговаривать, давай раскалывайся.

Турецкий вынул из кармана плаща пульт дистанционного управления, на котором болтались ключи от машины, и нажал на кнопку. «Семерка» в ответ коротко вякнула. Саша залез в бардачок и достал современный сотовый телефон. Грязнов, наблюдая за ним, громко вздохнул:

– Поди, какие-нибудь полгода назад даже и мечтать не мог о такой экипировочке... Ну и ну!

– А то! – отозвался Турецкий, набирая номер. Прижал трубку к уху и стал шарить глазами по верхнему этажу «раненого» дома. – Алле-о, Гюльчатай? Покажи личико-то!... Нет, не вижу. Тогда хоть мигни окошечком!

Грязнов задрал голову и стал тоже наблюдать за верхним рядом окон. Вот одно из них погасло и снова вспыхнуло.

– Понял, – тут же сообщил Турецкий. – Ну что ж, коли желание не пропало, так и быть, отворяй. Поднимаемся. Только учти, всякая любовь отменяется, поскольку со мной Грязнов, а он терпеть не может всех этих глупостей. – Он задвинул антенну, закрыл микрофон трубки и протянул ее Грязнову: – На, владей по праву. Это тебе в качестве поздравления от меня. В Японии считается лучшим.

– Чего это ты? – даже растерялся Слава. – Больно дорогой подарок-то!

– Чего достоин, то и получай. Все, бери без разговоров. Скажу по секрету, я себе тоже купил, не такой, разумеется, попроще. Решил: снова живем! Так что буду с тобой теперь тайно разговаривать прямо из теплого сортира. Сбылась, понимаешь, мечта идиота. Пойдем, нас уже ждут. – Саша взял с заднего сиденья букет гвоздик, захлопнул дверцу и нажал на пульт. «Семерка» благодарно вякнула.

Они вошли в соседний подъезд. Лифты в доме еще не работали. Механики, видно, решили, что сегодня народ и так обойдется. Грязнов с сомнением покачал головой, прикидывая, что здесь седьмой этаж равен десятому в обычном доме.

– Зато по дороге поговорить можно, – нашелся Турецкий.

– Ага, и вниз потом – одно удовольствие, – подхватил Слава.

– Утром-то? – невинно поинтересовался Турецкий, чем сильно насторожил Грязнова.

– Так к кому идем?

– Сейчас познакомлю.

– Устал! – неожиданно в сердцах сказал Слава.

– Давай передохнем.

– Не в том смысле. Сижу, понимаешь, у себя, бабки за день подбиваю. Хозяйство мое – не тебе рассказывать. Тут звонит Кашинцев. Замминистра такой у нас недавно объявился, из Свердловской области, из дорогих высокому сердцу земель, так следует понимать. Оказывается, в этом доме какая-то курва проживает, с которой у нашего замминистра либо приятельские, либо интимные связи. Короче, вставляй, Грязнов, себе в зад фитиль и – ракетой на Таганку, где очередная диверсия, кровища и вонища! Дом на воздух взлетел, понимаешь, а МУР сидит себе и ушами хлопает. Ну, в общем, сам видел: понагнали со всей Москвы, а дело, может, и яйца выеденного не стоит...

– К сожалению, Славка, боюсь, что стоит, – вздохнул Турецкий.

– Да я ж не про тетку ту, сгоревшую! Я – вообще... Устал от дураков, Саня. А к кому это мы поднимаемся? Слушай! – Грязнов даже остановился. – А если это?...

– Боишься с той курвой познакомиться? – совсем уже неприлично захохотал Турецкий. – А может, она вовсе и не по этой части? Хотя, если честно, ни в чем нельзя быть до конца уверенным. Но ты на всякий случай челюсть рукой придержи, а то – не ровен час – отвалится от изумления...

В этот момент Турецкого не очень деликатно взяли под локоть. Он обернулся и увидел длинноволосого, худосочного юношу с редкой растительностью на лице и фотокамерой со вспышкой в руках. Еще парочка камер болтались на плечах – справа и слева. Ну прямо «акула пера» – украшение одноименной телепрограммы.

– Извините, я вижу перед собой начальника МУРа и следователя из Генеральной прокуратуры? Надеюсь, вы не станете отрицать этого? – совершенно голубым голосом спросила фотоакула.

– Ну и что? – рывкнул Грязнов и отвернулся: доставало еще быть запечатленным на пленке этого ретивого юнца.

– Я не представился, вот. – Он вынул из брючного кармана красную книжечку удостоверения. – Пожалуйста, служба информации агентства «МК – Новости». У меня вопрос о пожаре...

– Можете получить информацию на месте происшествия, – вмешался Турецкий. – Там работает следователь Игорь Васильевич Парфенов. Все вопросы к нему, если он соизволит... Извините. Пошли, Славка. – И, войдя в подъезд, объяснил свою необычную уступчивость: – Пускай пошумят. Да и Игорю пора учиться общаться со средствами массовой информации. Все на пользу.

Глава 4.

Звонить в дверь им не пришлось, поскольку, едва они поднялись на площадку, она отворилась сама. Грязнов, стоявший за спиной Турецкого, громко фыркнул, мол, здравствуйте, пожалуйста!

Еще бы: на пороге стояла Лиля Федотова, следовательно все той же Генпрокуратуры и по разным делам – то правая, то левая рука «важняка» Турецкого. Естественно, в зависимости от ситуации. Она даже и сидеть одно время предпочитала в кабинете своего старшего товарища, Александра Борисовича, за соседним столом, напротив. «И если Сашка ее до сих пор не трахнул, – подумал Грязнов, – то он совершил явную ошибку... Тьфу ты, черт! Полковник, о чем ваши мысли?! Довольно-таки стыдно завидовать товарищу...»

Лиля была мало сказать – восхитительна, она выглядела так, будто... Грязнов уже открыл рот, чтобы выразить словами то, что обычно тщетно пытаются объяснить междометиями. В темноте. И наедине. Но повисшая на шее Турецкого красotka – или это просто тут освещение такое? – сделала большие глаза и прижала палец к губам. Из чего следовал вывод, что обычные вольности, принятые между друзьями, на сегодня отменяются. И отменяются они по причине наличия в квартире посторонних, чьи громкие голоса доносились сюда.

Лиля отпустила Турецкого и сделала изящный книксен Грязнову, который тут же окончательно утвердился в мысли, что, если Сашка оказался лопухом, у него, у Вячеслава Ивановича, возможно, появятся некоторые шансы.

– Много гостей-то? – тоном старого брюзги спросил Турецкий. – А ведь обещалась... обнадеживала, все вы бабы на один аршин.

Он протянул Лиле букет, достал из внутреннего кармана черную бархатную коробочку и открыл крышку. Лиля всплеснула руками:

– Господи, красотища какая!

Грязнов сунул нос поближе, вздохнул:

– Элегантная вещица!

Свесившись из коробочки, искрилась какими-то хитрыми своими гранями великолепная золотая цепочка.

– Это мы тебя со Славкой поздравляем, – великодушно заметил Турецкий. – Ну а за внешний вид извини. Мы прямо с пожара.

– Заходите, заходите, – заторопилась Лиля, и Грязнов заметил, что она все же несколько смущена, будто испытывает некую неловкость перед ними. – Раздевайтесь, вот – ванная, умывайтесь и – к столу. Саша, на полотенце! Я побегу, мальчики, к гостям, да?

– Вот же задница! – намыливая руки, с досадой сказал Турецкий. – Сашенька, никого не будет, честное слово! Все меня оставили! Я так страдаю от одиночества! Ну хоть бы кто теплое слово сказал, в щечку поцеловал! Сю-сю-сю, твою мать!

Грязнов засмеялся: уж очень ловко он скопировал Лилю.

– Ну, я и настроился, понимаешь, на интим.

– А я, значит, уже не в счет? – хмыкнул Грязнов.

– Ты – другое дело, ты – друг. Тебе можно даже подглядывать.

– Что?! – возмутился Славка. – Только подглядывать?!

– Спокойно, полковник. – Турецкий вытер руки и уступил Грязнову место у крана. – Тебе все можно... А она сегодня очень даже ничего выглядит, да? И ей совсем не идет наш мундир – ни внешне, ни по духу. А вот кто из нее получится, так это классная любовница!

– А вдруг давно уже получилась? Только тебе о том неведомо.

– Не думаю... Но она рискует опоздать. Или однажды подцепит какого-нибудь генерала. Из ранних. Вроде того твоего замминистра.

– Так и слава Богу, – заметил Грязнов, ополаскивая лицо.

– Но все равно охоту не прекратит! – многозначительно поднял палец Турецкий. – Значит, у нас еще не все потеряно...

– Да ты, брат, уж не ревнуешь ли?

– С какой стати? Она ж мне – не жена и, к сожалению, не подруга. Со-слу-живица, Славка, слово-то какое!

– По-моему, если кто и стареет, так это ты, Санечка. Ты вот – за-адница! А она, между прочим, самый смак. Для тех, конечно, кто понимает.

– Слушайте, вы, наглецы! – раздался из-за двери веселый голос Лили. – Если вы собираетесь и дальше обсуждать болезненную для вас проблему, валяйте на улицу! Там и найдете себе подходящих!

Мужики дружно прыснули и даже присели от неожиданности. Переглянувшись, покачали головами: надо же так влипнуть!

– А что, Грязнов, – ловко копируя голос бывшего Генсека Горбачева, заметил Турецкий, выходя из ванной и небрежно отряхиваясь, – может, нам с тобой действительно пойти по бабам, а? Как в доброе старое время. Тут явно не светит, хотя хозяйка, как ты довольно наблюдательно отметил, очень даже ничего, и это, – он показал пальцем на крутое бедро Лили, – вполне соответствует...

Чему соответствует, он не успел договорить, потому что Лили припечатала его рот ладошкой, а другой рукой ухватила Славку за рукав и потянула в комнату.

– Все-таки вы – редкие нахалы. – Она говорила негромко и быстро, словно получала тайное удовольствие от не самых пристойных комплиментов в свой адрес. – И все-то бы вам говорить, обсуждать, обсасывать, а как до дела...

– Но это уже не намек, а упрек! – воскликнул Турецкий. – Лично я, Славка, расцениваю сей демарш как приглашение к танцу. А ты?

Ответить Грязнов не успел, потому что Лили почти втолкнула их в большую комнату, ярко освещенную хрустальной люстрой, висящей над большим круглым столом, на котором было тесно от блюд, тарелок, бутылок и хрусталя. Десяток гостей вольготно расположились по окружности, и все до единого вопросительно уставились на вошедших. Можно было подумать, что они слышали фривольный разговор в коридоре. Но уже через секунду стало ясно, что все эти гости, среди которых не оказалось ни одного знакомого лица, проявили обычное любопытство к опоздавшим.

Не торопясь, они раздвинулись, благо место было, и освободили пространство для еще двух стульев. И тут же забыли о пришедших, занялись своими разговорами.

Турецкий с Грязновым переглянулись, одновременно пожали плечами и навалились на обильную пищу – по-русски, без соблюдения этикета, накладывая на тарелку все, к чему прикасался взгляд: красную рыбу, колбасу, сыр, ветчину, соленые грибочки, маслины и – аппетитной горкой – традиционный салат оливье. Но только размахнулись, с противоположной стороны стола раздался бархатный баритон:

– Ну что ж, господа, давайте еще раз обратим свои восхищенные взгляды на нашу превосходнейшую, прелестнейшую хозяйку! Что можно противопоставить юности? – Говоривший медленно и значительно поднялся, держа в руке хрустальный бокал, и склонил голову к сидящей рядом Лиле, отчего всем стала видна его лысина, с наивным старанием прикрытая редкой прядью зачесанных сбоку волос.

– Ишь ты, какой бонвиван, – шепнул Грязнову Турецкий, не отрывая, впрочем, глаз от своей тарелки. – Как полагаешь, кто это?

– Да тут и полагать нечего, – буркнул Грязнов, исподлобья наблюдая за произносящим изысканный, по его мнению, тост, – тот самый, о ком ты имел уже удовольствие слышать.

– А-а, – так же негромко протянул Турецкий, орудуя вилкой и ножом, – который с курвой, ага? – и упер в Славку такой наивный взгляд, что тот едва не поперхнулся. – Как нам с тобой повезло, старик!... Может наконец врезать все, что думаем, всю, понимаешь, правду, в эту... в матку. Как? Поможешь или самому?

– Тебе, Саня, один хрен, а мне под ним ходить... Нет, не мне, а делу! Чуешь?

– Вот с этого и надо было начинать... Тишина в студии! Это он нам слово дает. Ща получит, блин! – Турецкий встал и тоже поднял, но не бокал, а рюмку. – Нам, так сказать, мужикам, сильно повезло. Господа, говорите? – Он обвел глазами присутствующих. – Это... интересно. Лиля, сделай одолжение своему, так сказать, старшему товарищу, то есть мне, представь нас с Вячеславом твоему народу, которого, если верить недавним твоим уверениям, в настоящий момент здесь нет и быть никак не может, ибо ты умираешь от тоски и одиночества. Впрочем, возможно, я ослышался, когда говорил с тобой днем по телефону. Скорее всего, именно так, поскольку и день-то сегодня какой-то неудачный, я бы сказал, драматический. Там, внизу, на втором этаже, сгорела женщина. На происшествие собралась, точнее, задействована вся Москва. Давно столь массового посещения не наблюдал. Впрочем, повторяю, сидящим здесь все мной рассказанное вряд ли интересно. Как неинтересно оно и тем, кто поднял шум на весь мир. Это ведь несложно, в общем, обладая некоторой властью, по-быстрому навешать распоряжений и отвалить на праздник сердца. А что делать прикажете? Время такое. Нельзя же, в самом деле, постоянно сострадать и лично выезжать на каждое происшествие. Дураки всегда найдутся. Вот вроде Грязнова, самого грамотного сыщика на свете, без преувеличения, или аз грешного, тоже не от конфирмации... Что еще можно добавить? Лиля – женщина красивая, которая имеет полное моральное право праздновать свое совершеннолетие с кем угодно и когда угодно. Поэтому вперед, Лиля, но помни: жизнь состоит не только из праздников. Слышал, тебя уже завтра ждут на службе с целой кипой предложений по поводу многочисленных «висяков», коими в последнее время так грешит Генеральная прокуратура. Почему-то. Я все сказал, Вячеслав Иванович, от нашего имени? Ничего не забыл? – Грязнов кивнул, и Турецкий продолжил: – Ну раз такое дело, я кончаю. Тебя я, Лиля, уже целовал, поэтому позволь нам со Славкой теперь просто спокойно поесть. Мы устали и голодные. – И, садясь, заключил: – Между прочим, Славка, я всегда был уверен, что в нашей профессии корпоративность была выше любых других привязанностей. Но ты, я полагаю, сочтешь, что я не прав, так?

– Ну почему же? Как раз и прав, – не поднимая головы, но тоже громко сказал Грязнов. – Только я уже давно не вижу корпораций. Ферейнов, к примеру, до фи́га и больше, а вот чтоб как в добрые старые... извиняй, дружище.

Неловкую паузу неожиданно нарушил тамада, он же заместитель министра, господин Кашинцев, новый человек в системе высшего руководства МВД. Он выпил свой бокал, плеснул на дно водки и снова поднялся.

– Мужики, – сказал проникновенно, – я очень рад познакомиться с вами. Лично для меня это высокая честь. Ей-богу, не вру. Я ведь в нашем министерстве недавно. Да вы и сами знаете. О вас, Вячеслав Иванович, я слыхал еще, когда в академию нашу поступал. Ну а Турецкий, как мне говорила наша уважаемая именинница, вообще легенда. И я теперь готов ей поверить. Поэтому я прошу вас... не знаю, как сказать, чтоб не обидеть, а, все равно... мужики, я рад знакомству с вами. А что касается этого пожара... ну так что было делать? Лиля кричит: дом на воздух взлетел! Вячеслав Иванович, я готов лично принести извинения и вам, и вашим коллегам.

– Значит, все-таки я был прав, – негромко сказал Турецкому Слава, – поэтому месть должна быть красивой. Ладно, сочтемся однажды. – И громко продолжил: – Не берите в голову, товарищ генерал. Работа – она и в сортире работа, кому, как не нам с вами, знать. Это в провинции по свистку обычно все службы в ружье ставят, а в Москве от такого азарта только

неразбериха бывает. Это я так, из опыта. Генпрокуратура, МУР, недоставало еще ФСБ, ФСК, ФАПСИ и президентской охраны. Чтоб, знаете ли, полный джентльменский набор. Повторяю, на первых порах такое бывает. Поэтому никто не в обиде. И давайте забудем. А то над нами смеяться станут.

Гости, похоже, не врубились, о чем идет речь и о каких обидах говорит этот рыжеватый нахальный тип, так независимо пикирующий с заместителем министра внутренних дел. Все они, к счастью, были далеки от той профессии, которую выбрала себе именинница, они были дальними и ближними родственниками, для которых знакомство с руководителями правоохранительных, так сказать, структур было не только лестным, но и престижным. Если б только выражались яснее да и выглядели посолиднее.

Между тем пришло первое насыщение, а вместе с ним и некая апатия. В смысле нежелания дальнейшей пустой болтовни и, напротив, активного желания покурить. В этой столовой никто еще не курил, значит, следовало выйти в коридор. Или на лестницу. Что хуже. Но, вообще-то говоря, по старинной советской привычке не помешала бы и кухня – этот вечный клуб диссидентов, мечтателей и обойденных жизнью. Получилось так, что Турецкий, Грязнов и генерал Кашинцев, не сговариваясь, поднялись и дружно отправились на кухню. Молча вынули свои пачки. У генерала оказались, случайно разумеется, лучшие – подлинный «Честерфилд». Турецкий не устоял, Слава подумал и тоже вынул сигарету, взамен предложив «Ронсон». Первые затяжки, как и положено, были сделаны в молчании. Затем все трое взглянули друг на друга и весело, безудержно, по-идиотски глупо расхохотались.

– А ты, мужик, ничего! – похвалил сквозь смех Турецкий и хлопнул генерала по плечу.

– Хлопцы, – с легкой грустинкой сказал Кашинцев, – ну гадам буду, даже поговорить не с кем. Верите?

– Это случается, – солидно заметил Грязнов. – Но очень редко. А при мне еще ни разу... Шурочка вот, помню, хотела однажды всплакнуть... Помнишь, Саня? И та удержалась. И нас не оказалось рядом – См. роман Ф. Незнанского «Контрольный выстрел» (М., 1997)...

– Это вы, мужики, про Романову? – тихо спросил генерал. – Та, что вместе с сыном в реке утонула, да?

– Ага, – зло хмыкнул Грязнов, – именно утонула... Но я хотел не о том... не о ней, генерал. Я – вообще о жизни.

– Мужики, – начал Кашинцев, словно принял кардинальное для себя решение. – Я действительно о вас слышал много. И разного. Но привык верить своим впечатлениям. И, если не будете смеяться, скажу: женщинам. Они ошибаются реже нас. Так вот, я не хотел бы, чтобы наше знакомство стало тем первым блином, который, сами знаете. Вот вам моя рука, и дальше – что в моих силах, понимаете? Я в Москве человек новый, и мне эти аппаратные игры по херу... Извините... А что, там, внизу, действительно серьезное дело выплывает?

Турецкий с Грязновым переглянулись, как бы решая, что делать: поверить или послать к чертовой бабушке? Слава кивнул первым. Турецкий усмехнулся и сказал:

– Наглая работа. Поэтому ничего нельзя исключить. Нечто подобное мы с ним, – он кивнул на Славу, – имели года полтора назад. Довели до суда, но все кончилось пшиком. Скучно, генерал. Понимаете?

– Понимаю, – ответил Кашинцев, гася окурки в пепельнице. – Я, со своей стороны, могу обеспечить только то, что в моей компетенции. Ее не так уж и много, но она есть, мужики. Вот вам визитки, звоните по прямому. В конце концов, нас не так уж и много на свете.

– Нас – это вы кого имеете в виду? – поинтересовался Грязнов.

– Я сказал нас, – и хлопнул Турецкого с Грязновым по плечам. – Но, мне кажется, мы можем испортить прекрасной женщине праздник.

– Могли бы, – подчеркнул Турецкий. – Но уже нет такого желания.

– А мне она нравится, – вдруг с грустью сказал Кашинцев. – Все понимаю... Эх, братцы, плюнуть бы!

– Так за чем же дело?! – воскликнул Турецкий.

– Дело? – усмехнулся Кашинцев. – За мной, Александр Борисович, за мной...

– Это бывает, – бодро провозгласил Грязнов. – Что же касается объекта вашего внимания, генерал, то могу с уверенностью сказать: этой девушке может противостоять только талант. Или гигант. Что, в общем, близко. Все остальное может ее просто обидеть.

– Ишь вы какие! – захохотал Кашинцев. – А условия-то ничего, стоящие! Молодцы! А ну как?...

Славка вдруг поднял сжатый кулак, потряс им над головой и сказал:

– Пусть победит сильнейший! – после чего отправился к столу.

– Шутка, – серьезно прокомментировал Турецкий.

– Ну вы – артисты! – покачал головой генерал Кашинцев.

...Бес, который в определенном возрасте настырно тычет в ребро, никак не мог успокоиться. Все эти танцы-шманцы-обжиманцы, которые затеяла именинница, определенно указывающие на то, что, несмотря ни на какие беды и горести, жизнь неостановима, были, по мнению Турецкого, не очень, мягко выражаясь, уместны. Именно сегодня и в этом доме. Но после возвращения с кухни он подумал: а что действительно будет, если он заставит всех присутствующих размышлять о смерти, о пожарах, уносящих жизни, о бренности сущего? Да после этого останется только повеситься от тоски. И прав Славка, который перестал мучиться мыслями о той самой бренности и, подхватив пухленькую визави, стал демонстрировать ей особо опасные па настоящего московского танго, которое танцевали на летних площадках в многочисленных некогда ЦПК и О. На виртуозов, помнил Турецкий, сбегались смотреть все окрестные мальчишки. И шалели, особенно когда кавалер медленно пускал свою партнершу через выставленную вперед ногу и она обтекала ее и млела, и народ ахал от вожделения. Были времена!... И надо же! Не забыл Грязнов... действительно артист...

Подсела Лиля, тяжело дыша после объятий бравого генерала. Спросила:

– Так что ты мне посоветуешь?

Можно было подумать, что она решила действовать в дальнейшем сообразно с условиями, которые должен выставить Турецкий.

– Если от меня что-то еще зависит, – нравоучительным тоном начал он, – то замечу следующее: хочешь заниматься и дальше нашей работой, просто отдайся ему и не будь мещанкой. При условии, что тебе это очень надо. А если хочешь зажечь жизнью иной, не имеющей к нам отношения, плюй на все и всех и ступай замуж. Ну а надоест, ты и сама знаешь, что делать. Позвонишь – помогу, а?

– Нахал ты, Сашка, – шепнула она в самое ухо. – Не знаю, что б я делала, если бы тебя не было всегда рядом.

– Можно подумать! – фыркнул Турецкий.

– Не ври хоть себе. Что я, совсем уж ослепла, что ли?

– Ты, надо понимать, мне что-то собираешься предложить?

– Не хами, Турецкий. А то возьму вот и отдамся. На глазах у всех...

– Кому?

– Нет, ты все-таки законченный сукин сын... Не знаю, зачем ты мне постоянно снишься?

– Лилька, ты играешь с огнем. Представляешь, какой будет конфуз, если мы с тобой, не считаясь с общественным мнением, возьмем и предадимся любовстрастию? Кажется, этот процесс раньше называли именно так.

– Нет, ты сатана... А генерал мне, между прочим, предложение сделал. И теперь ждет. Ты – как?

– Понимаю: между прочим. На бегу, так сказать? Значит, сегодня, порывав мне в жилетку, пardon, от одиночества, ты не выдержала и назначила-таки смотрины?

– Нет... Но...

– «Нет» – понятно, но очень смущает – «но». Чего ты все время ерзаешь? Хочешь сесть ко мне на колени? Прямо вот так – при всех?

– Сашка... Ну почему ты все знаешь наперед?! Да, хочу! И всегда хотела... Это ты сам...

– Разумеется, дорогая, – почти отеческим тоном начал остужать ее Турецкий. – Ты знаешь, я вот недавно подумал, ну, прикинул свое прошлое, попробовал заглянуть туда, вперед, и пришел к тому, что лично мне в моем возрасте, не знаю как другим, скажем, тому же Славке... О, ты только погляди! Не я буду, если он сегодня не уведет эту твою родственницу!... Извини, извини... О чем это я? А-а, да! Так вот пришел я к выводу, дорогая Лилян, что мне самое время настало считать не подвиги, а свои любовные неудачи. Прикинул как-то ночью, в одиночестве, и, ты знаешь, так понравилось! До того смешно, что ты и не поверишь! Вот у нас с тобой, к примеру. Или еще бывало с дамами... Чудо! Вспомнить всех, кто мне не дал...

– Так это ж какой-то мазохизм, Турецкий! Тебе не стыдно?

– Конечно, стыдно, когда хотел и мог, а не вышло. Зато с какими женщинами! Так, значит, ты уже, говоришь, приняла решение? И я у тебя побоку? А ты не подумала, что мне будет очень обидно?

– Во! Наконец-то! Именно этого я и хочу!

– Садистка... Впрочем, буквально все те женщины, с которыми у меня все-таки получалось, мало чем отличались от тебя. Они брали у меня все самое дорогое – мои чувства: нежность там, страсть и прочее, то есть получали все, что хотели, а потом меня же уверяли, будто заботились исключительно о моем наслаждении, а я есть самая натуральная неблагодарная свинья. Как это тебе нравится?

– Ты считаешь, что в своих любовных безобразиях всегда оставался пострадавшей стороной?

– Ну конечно! – с жаром подхватил Турецкий. – Однажды только понадеялся на тебя – и вот... Но я и тебя понимаю. Я, как говорят в Одессе, не фасон для невесты. Исходи из этого. И – вперед, Лиля! Твое будущее рядом. Почти в кармане.

– А я уже решила. И для этого мне совсем не требовался такой твой обстоятельный комментарий. Могу пообещать только одно...

– Не надо, я уже догадался. Ты хочешь сказать, что мне будет очень горько?

– Еще как, Турецкий! – заявила Лиля.

– Я тебя понимаю, – вздохнул Саша. – Между прочим, у Грязнова, когда мы были, как ты догадываешься, молодые, имела место одна подруга. Верная ему до безумия. Не знаю даже, почему он на ней не женился. Так вот, она выходила шесть или семь раз замуж. И всякий раз – всерьез. Но! Перед каждым бракосочетанием она прибегала к Славке за последним, так сказать, благословением. И он ей никогда не отказывал.

– Нет, я, конечно, знала, в какой компании нахожусь... по вашей милости... А эту Славкину даму я не видела?

– Ну что ты! Она давно уже живет в Америке. У нее известный муж, такой... немного рыжий сын, и, кажется, она не собирается возвращаться на родину предков.

– Слушай, Турецкий, последний вопрос...

– По-моему, очень официально.

– А я и не отрицаю. Поклянись мне сейчас, что ты никогда не пожалеешь о своих словах.

– Лиля, это очень серьезно. Такой клятвы я тебе дать не могу. Это – выше сил. Больше того, держа в качестве шафера венец над вами, в церкви, разумеется, я так понимаю, что без венчания не обойдется – модно, да и... престижно, наконец, так вот, держа над одной из брачащихся голов тяжелый брачный венец, обещаю тебе не переставать думать о том, как бы я тебя в самый святой момент схватил бы за подол подвенечного платья, намотал вот эдак и... дальше пусть работает твоя собственная фантазия.

– Какой же ты гнусный негодяй, Турецкий! – напряженно рассмеялась Лиля. – Ты нарочно говоришь, чтобы я теперь все время думала об этом?

– Разве это плохо, Лиля, постоянно знать, что ты нравишься мужчинам, что каждый из них готов бежать, как говорится, задрав штаны, за комсомолкой? Ну так как, я ответил на твой последний вопрос? Если да, то нам, кажется, пора со Славкой отбывать восвояси. Во-первых, не хочу твоего генерала травмировать, поскольку он, вероятно, неплохой мужик, а во-вторых, если я немедленно не уведу Славку, он непременно трахнет вон ту твою родственницу, которая, кажется, совсем не против.

– Господи! Какие же вы грубияны! С кем я работаю! Трахнет! Ты хоть какие-нибудь другие слова-то знаешь?

– Да. Но обычно я их шепчу женщине потом, перед восходом солнца.

Лицо Лили вытянулось так, что Турецкий расхохотался. Смех – как щит. Неужели эта красивая и небесталанная, даже совсем неглупая дурища могла действительно нафантазировать себе, что ей удастся выстроить нечто вроде совместного жилища с Александром Борисовичем? Но ведь это было бы огромной и непоправимой ошибкой с ее стороны: в первую очередь он никоим боком не был готов к подвигам подобного рода.

– В общем, я тебе так скажу, подруга, – вздохнул Турецкий. – Ты знаешь обо мне достаточно такого, из чего можно было бы при желании составить неплохой компромат. Я помню о некоторых твоих похождениях и, кстати, всегда, как ты знаешь, одобрял их. О чем это говорит? Давай не будем нагнетать страсти и продолжать шлепать каждый своим путем, ну а если вдруг напряжение достигнет критической точки, кто ж нам запретит помочь друг дружке снять его известным способом? Извини, что получилось немного цветисто, зато по делу. Не так?

– Ты просто поразительный негодяй, Турецкий. Честное слово. Я, конечно, постараюсь сделать все, чтоб ты прямо сдох от зависти. Если б могла, просто убила бы сейчас тебя! Не знаю, почему я тебя так люблю... Уходи с глаз моих, а то я обязательно натворю такого, о чем потом всю жизнь жалеть буду...

– Ну-ну, спокойно, девушка! – погрозил пальцем Турецкий. – Держи себя в руках. И, кстати, напомним-ка родственнице, если она уже не в курсе, что Грязнов поможет ей сделать поразительное открытие. Славка сегодня без транспорта, а я – на колесах.

– А мне ты не хотел бы дать своего последнего благословения? – Лиля так посмотрела на него, что Саше стало немного жалко генерала.

– Полагаю, дорогая, что ты еще не созрела окончательно для святого причастия. Но – не исключено. Иди, иди к родственнице.

Дальнейшие события разворачивались стремительно. Турецкий вышел на кухню, где в одиночестве задумчиво дымил Грязнов, и спросил его:

– Ну, как у тебя? Хохлушка чернобровая созрела?

– Я... еще размышляю... – неопределенно протянул Славка.

– Да? А я уже дал команду Лиле, чтоб она выдала ее тебе под расписку. Для проведения следственного эксперимента. Я бы на твоём месте...

– Так ведь тогда надо везти...

– А друг у тебя на что? Колеса во дворе, Фрунзенская – пустая.

– Разве у тебя появились какие-нибудь планы?

– Планы мои зрели еще с утра. И они никоим образом не вступили в противоречие с планами нашего бравого генерала. Каждому на сегодня свое. Поэтому, если ты готов?...

Чернобровая казачка, а вовсе не хохлушка уже стояла на стреме, облаченная в пушистую светлую шубку. Лиля глубоко вздохнула и закрыла дверь за ушедшими по-английски, то есть без разрешения и долгого прощания, коллегами. Почему-то ей было не очень весело. Впрочем, понять ее нетрудно: еще не известно, заставила ли она Турецкого помирать сегодня от зависти, но то, что она завидовала этим нахальным мужикам, и особенно своей родственнице, это несомненно. Однако генерал был, несмотря на выпитое, абсолютно трезв и, вероятно, имел тоже свои виды. Независимо от того кардинального решения, которое так или иначе вынуждена будет принять в высшей степени приятная хозяйка данной квартиры.

Имя Нина, принадлежащее разбитной хохотушке краснодарского разлива, не вызвало никаких томительных ассоциаций в душе Турецкого, ибо по намеченной программе завтрашний день предназначался исключительно семье, вот и будут Нина с Ириной, свежий воздух и все сто удовольствий, а все до завтра оставалось в собственных руках.

Турецкий обернулся к своим пассажирам, вольготно расположившимся на заднем сиденье, и не смог удержаться от восклицания: шубка была распахнута, а крепенькие на зависть, провинциальные ножки перекачивали на Славкины колени. Парочка тягуче целовалась. Дотерпят ли, вот вопрос! Так подумал, отворачиваясь, Александр Борисович, хмыкнул и врубил по газам.

Высадив ословевших от взаимного желания пассажиров возле собственного подъезда и вручив Грязнову ключи, Турецкий тут же, безо всяких объяснений, рванул в сторону Орехова-Борисова. Но, вырулив к развилке Варшавского и Каширского шоссе, вдруг подумал, что время не такое уж раннее, а одинокие женщины имеют обыкновение планировать свои вечерние действия загодя. И хотя Клавдия уже имела более чем прозрачный намек от Турецкого, подтверждения ведь не получила и ну как успела от неожиданной тоски кинуться во все тяжкие?! Надо дать ей время одуматься и принять единственно правильное решение. Следовательно, позвонить. Уже привыкший к своему безотказному аппарату, Турецкий сунулся в бардачок, но вспомнил о сделанном подарке и посожалел, что собственная трубка осталась дома, в багаже.

Поздно вечером издать из автомата телефонный звонок – в Москве проблема. Жетончики только в метро. И не в каждом. Пока побегал, пока нашел и купил, заплатив непривычно безумные деньги, чуть было не пропала охота. А если у этой чертовой Клавдии еще и какой-нибудь гость окажется, тогда все. Человечество потеряет доверие к себе со стороны одного из лучших его представителей.

Телефон не отвечал, и длинные гудки, показавшиеся совершенно унижительными, будто Александр Борисович чего-то выклянчивал у судьбы, навевали самые гнусные мысли по адресу непременно распутной, необязательной секретарши. Турецкий почти наяву видел, как лениво выползает она из-под одеяла, потягивается и думает: брать трубку или нет, тем более вон и кавалер прикорнул, притомившись, и если звонок от Сашки, то придется этого случайного гостя выставить на ночь глядя за дверь... Вот такую развратную картину нарисовал себе Турецкий, назло не вешающий трубку: пусть звонит.

Наконец ленивое:

– Алле-о...

– Клавдия! Это ты, что ли?! – почти возмутился ее тоном Турецкий.

– Ай! Саша! – Клавдия завопила в трубку, едва не оглушив. – Ты где?

– В двух шагах от тебя, – сухо ответил он и, помолчав, добавил: – Но теперь боюсь оказаться лишним.

– Ты с ума сошел! Я ждала, ждала и... уснула... Так ты будешь?

– Буду! – так же резко и сухо заявил Турецкий, прикидывая, каким способом начнет он серию своих мстительных поступков в отношении Клавдии Сергеевны. Вспомнилась сегодняшняя ее поза в кабинете Кости, отчего заместитель генерального прокурора икнул и чуть не подавился. Она и будет самым подходящим вариантом. Для начала.

Но, как известно, человек предполагает, а Господь – тот располагает.

Клавдия стремительно открыла дверь, обхватила Турецкого обеими руками, и несколько мгновений спустя, которые позже показались ему почему-то безумно долгими, он посторонне решил, что месть можно отложить на потом, на когда-нибудь...

– Ты знаешь?... – задумчиво сказала она в середине ночи.

– Клавдия, – строго перебил ее Турецкий, – заруби себе на носу: когда ты со мной, все разговоры категорически отменяются. У меня уже был с тобой такой отрицательный факт. И хватит.

– Ну и хорошо, – облегченно вздохнула она. – А то мне показалось, что тебе может быть со мной скучно.

«Напротив! – хотел возразить он. – Так весело мне давно не было!» Но благоразумно решил промолчать. И удвоить силы. Тем более – было ради чего...

Глава 5.

Тягостное это было зрелище. Когда Валера Комаров вместе с Ларисой Ляминой приехали в лефортовский морг, что в районе Бауманской, за телом Марины Борисовны Штерн, молодой парень в несвежем халате и с таким же несвежим лицом мрачно посоветовал им гроб не открывать и вообще побыстрее отвезти в Николо-Архангельское. Но, узнав, что автобус заказан на Ново-Хованское, заметил:

– Еще лучше. – Впрочем, что лучше и почему, он объяснять не стал, полагая, что народ пошел и без того догадливый.

Не оказалось у Марины родственников, что ж, так сложилась судьба. Самые близкие люди работали вместе с ней всю ее не слишком долгую жизнь в Библиотеке Ленина. И вместе с нею же до сердечной боли переживали многочисленные беды и напасти, свалившиеся на уникальные в своем роде отделы рукописей и раритетов, то есть редких книг. Горели они, водой их заливало, гибли на глазах мировые, уникальные ценности. С первых дней своей работы, а было это добрых два десятка лет назад, просила, уговаривала, требовала, кулаком по столу стучала Марина, умоляя провести проверку, ревизию фондов библиотеки. Но куда там! Кто станет прислушиваться к воплям какого-то научного сотрудника, если правительствам всех уровней – от районного до всероссийского, особенно в последние годы, – было известно, что здание давно объявлено аварийным, что все коммуникации сгнили, что только за последний десяток лет бывшая «ленинка» перетерпела больше полутора сотен аварий. Ну чего тут кричать-то! Вся ясно, денег нет, жили до сих пор, вот и дальше живите! Какие ремонты?! Выборы вон очередные на носу! Электорат, будь он проклят, убеждать надо, улаживать, а без грошей – какие могут быть судьбоносные решения, а? Вот то-то и оно. Придет время, образуется, и ревизию проведем соответствующую...

– Если останется, что ревизовать! – доказывала неугомонная М. Б. Штерн, и кто ее взял-то на работу с такой фамилией!...

Скандал наконец разразился, когда по категорическому требованию Марины была учинена проверка фондов отдела рукописей и обнаружилась пропажа – ни много ни мало – двухсот рукописей. Замолчать это преступление, другого термина просто не было, не удалось, поскольку Марина подсуежилась и выдала тайны проверки корреспонденту одной наглой молодежной газеты, для которой не существовало ни авторитетов, ни бюро проверки фактов: каждый корреспондент сам отвечает за достоверность добытого материала. Газета может не разделять его точку зрения. А случившийся затем в библиотеке пожар Марина расценила как способ сокрытия откровенного уже воровства.

Ничто так не объединяет даже ненавидящих друг друга начальников всех уровней и положений, как борьба против общего обличителя. В роли последнего и выступала Марина Штерн. Не одна, конечно, с коллегами, с товарищами. Но было их немного. Считанные единицы среди почти двух с половиной тысячного коллектива.

Есть три категории проституток – не в профессиональном, а в житейском смысле. Первая – это патриотка. Ради своего рабочего места, ради родной организации, ради коллектива и его руководства, а в конечном счете ради Родины она готова всегда принять ту точку зрения, которая нужна. Коллективу, руководству, Отечеству – ничуть не меньше. Другая категория – национальный кадр. Здесь не меньше патриотизма, но выше понимание целесообразности той или иной точки зрения. Мой народ меня послал, мой народ мне все дал, отрывая от себя, как можно подвести мой народ! И если меня лишат такой важной работы, то как я верну долг народу?! И наконец, проститутка в самом обыденном, разговорном понимании. Скажем, по-немецки она бы называлась: медхен фюр аллес – девочка для всех, которая понимает лишь

один вопрос: вифиль костет, то бишь, сколько стоит? Им же измеряется вечное двуединство – пространство и время. Пространство – где? Время – почему услуги?

Обидно, конечно, думать так о людях, говорил Валера Ларисе, но тут же задавал как бы риторический вопрос: а где же они все – добрые, умные, отзывчивые, где те, у кого не на словах, а на деле так же болит душа, как она уже не болела, а сгорала у Марины? Почему тут, у морга, нет траурного оркестра и охапок живых цветов? Раньше можно было соврать: не достал, мол, поздняя осень. А сейчас не соврешь – вон вагоны флоры на выбор, только баксы отсчитывай! Куда девались все ваши праведники!

Но это уже был не столько вопрос, сколько обвинение. Валере, конечно, легко, он в Министерстве культуры работает, как раз в библиотечном секторе. Ему ближе всего именно эти, больные проблемы. А он рассуждает так, будто совсем посторонний человек...

Впрочем, наверное, не так уж он и не прав, если в траурном зале хованского крематория не нашлось ни одного руководителя огромного и, естественно, заслуженного коллектива, который смог бы без бумажки сказать хотя бы два теплых слова о погибшей женщине. Все свои говорили... И кстати, слов «погибла», «убита» – избегали, хотя отлично знали причину гибели Марины.

Ладно, пусть они ищут подходящие выражения, а Ларисе бояться некого. Дочери вице-премьера российского правительства не к лицу заниматься слововерчением. Она так прямо и заявила:

– Причину гибели дорогого лично мне человека все мы отлично знаем: она, Марина, была опасна, ее боялись. Кто? Вы тоже все прекрасно знаете. Это те, кто разворовывают фонды, и те, кто усиленно прикрывают своим авторитетом первых. А повод – повод нашелся. Это наша последняя пропажа – Эразм и Конституция. И я просто уверена: не будь последней, предельно наглой кражи, придумали бы еще что-нибудь. Чтобы свалить, сбить с ног невинного человека. И убийца, оказывается, был под рукой. Мне сказал следователь, что его тоже убили в ту же ночь, когда он сбросил на рельсы метро Марину... Значит, Марина была им так опасна, что они убрали и исполнителя. Мы... я... обещаю тебе, Марина, довести твое дело до конца... прости!...

Плача уже навзрыд, Лариса уткнулась лицом в плечо Валерия.

После такого эмоционального всплеска говорить, собственно, уже было не о чем. И гроб тихо отправился в последний путь.

Немногие провожающие, чувствуя себя не очень удобно после резких слов Ларисы, постарались не опоздать на рейсовый автобус. Осталось четверо самых близких: Лариса с Валерой и Аня с Лизой. Эти две девочки недавно стали работать с Мариной, под ее рукой.

– Давайте поедem к Марине домой и там помянем ее? – предложила Лариса.

– Но ведь квартира наверняка опечатана, – возразил Валера.

– Я спрашивала следователя, который, собственно, начинал это расследование. Он потом все дело передал в городскую прокуратуру, в смысле у него забрали. Так вот он говорил, что к ней на квартиру он не ездил. Если и опечатали, так это РЭУ и местный участковый. А если нет, у меня же ее ключи, дубликат. Так что не о чем беспокоиться.

Все сели в «Москвич» Валерия и отправились на Мясницкую, где в Банковском переулке, в старом четырехэтажном доме, на третьем этаже жила... да, уже в прошлом времени, Марина Борисовна Штерн.

Дверь действительно была опечатана. Была. Поскольку бумажная полоска с печатями, оторванная и прилепленная куском пластилина к дверной филенке, свидетельствовала о том, что уже после опечатывания дверь была вскрыта, причем без всякого почтения к решению коммунальной службы.

Позвонив соседке, Лариса выяснила, где находится ближайшая власть. Бабка сказала, куда надо идти, но в глазах ее явно таился страх. Причину удалось выяснить, объяснив, что

вся эта компания явилась вовсе не с целью грабежа, а хотели просто помянуть подругу в ее квартире. Но раз нельзя, кто ж станет возражать. Однако то, что дверь вскрывали без разрешения, – непорядок, и об этом должна знать милиция. Словом, кое-как успокоили бабу. И она рассказала, как несколько дней назад в квартиру вломились чужие люди. Дело было среди ночи. Мария Ивановна, так звали бабу, разнервничалась, позвонила даже участковому, мол, воры в доме, но тот ее успокоил, сказал, что это связано со службой покойной и он сам в курсе дела. Странно все это.

Тем более что прибывший вместе с Валерой участковый с ходу заявил, что бабушка явно выжила из ума: никаких звонков он не помнит, а про вскрытие квартиры покойной слышит впервые. Ну и раз уж оказался тут, стало быть, надо открыть квартиру и посмотреть, все ли там в порядке.

Открыли и пришли в ужас: аккуратная двухкомнатная квартира, принадлежащая еще покойным родителям Марины – профессору МГУ и его достойной супруге, урожденной княгине Голенищевой, была превращена в содом. Мебель и прочие вещи, книги, семейный архив и просто газеты, подшивки которых копились и складывались на антресолях, были вышвырнуты, разодраны и обезображены до такой степени, какой может достигнуть разбушевавшееся подлое хамство. Кошмар, светопреставление! Даже выдавший виды участковый не мог произнести ни слова.

Впрочем, он и начал разговор:

– Как вы думаете, кому и зачем это было нужно?

– Кому? – ринулась в бой Лариса. – Они искали те документы, о которых постоянно говорила Марина. Она заявила, что предаст гласности факты разворовывания фондов «ленинки». Они ее убили за это! А тут искали компромат на себя. Я теперь знаю, чьих это рук дело! Я все знаю!

– Молчи, молчи... – пробовал образумить ее Валера, но Ларису несло.

– Я старалась не посвящать отца в наши проблемы, у него и своих достаточно. Но теперь – все! Пусть правительство наконец займется этими подлюгами! Этого я им не прощу!...

В общем, кроме эмоций, ничем не могла бы подтвердить своих подозрений Лариса Лямина. Ее фамилия произвела впечатление на участкового. Ну и что? «Я знаю» – не факт. «Я уверена» – где доказательства? Одни слова. А тут орудовала опытная бригада, все на голову поставили. Уж и не рад был участковый, что помимо воли оказался втянутым в какую-то явно криминальную историю с плохим концом. А ему лично все это было абсолютно по... извините, не нужно. И даже вредно. А за вредность стражам порядка нынче никто не платит. Поэтому пишите, граждане хорошие, заявление, мы его зафиксируем в особой книге заявлений и жалоб граждан, перешлем по инстанции, и пусть там себе разбираются. А квартирку-то мы закроем, опечатаем. И следов своих – тоже оставлять не надо. Мало других забот у служивых людей? Чего теперь усложнять, если хозяйка померла... ну, согласен, убили, так ведь тем, наверху, видней! Вот им и передадим заявление... со всей нашей надеждой, а как же! Но торопиться и делать преждевременные выводы, а также бросать неподтвержденные обвинения – не будем, не надо. Себе же, девушка, хуже делаем...

Наверное, он был в чем-то прав, этот осторожный участковый...

Соседняя с подъездом дверь принадлежала магазину со стендалевским названием: «Красное и белое». Но торговали тут вином и более крепкими напитками. Настроение было отвратительным, и Лариса, не встретив возражения со стороны спутниц, – Валера же был за рулем, – купила две бутылки светлого молдавского вина «Совиньон». Тарой послужили валяющиеся в бардачке машины стаканчики из-под йогурта.

Не представляла, поди, Марина Штерн, женщина, ценившая этикет, деликатность и некоторую изысканность застолья, что поминать ее будут таким вот образом. Спасибо, как

говорится, не на мусорном баке с разостланной газеткой, как это еще совсем недавно делала некоторая интеллигентная московская публика, возвращаясь с работы домой.

Горькие это были поминки: не хотелось ни о чем говорить, ничего вспоминать не хотелось, да и посуда была неудобной: вино проливалось через острые пластмассовые края. Что ж это за жизнь у нас такая, что ничего не получается по-человечески? От рождения до похорон – все убого, как-то по-воровски, и всем без исключения ты должен. Тебе – никто.

Валерий хотел было предложить пойти в какое-нибудь кафе или чайную, которыми славилась недавняя еще улица Кирова, но, проехав по переименованной в Мясницкую и увидев с десятков ресторанов с иностранными именами, сам же и отказался от собственного предложения, понимая, что и цены в них иностранные. А его карман – главного специалиста Министерства культуры России – рассчитанный всего-то на двести пятьдесят тысяч – большего он и не стоил, по мнению властодержателей министерских, – не смог бы потянуть иностранного качества услуги. Поэтому он предложил и закончить траурный вечер в машине.

Девушек затем высадил на Дзержинке – никак не мог приучить себя, что станция метро уже несколько лет называется «Лубянской», а по разным ассоциациям – неизвестно, что хуже для памяти: выражение «подвалы Лубянки» в объяснениях не нуждается. Ларису же собрался отвезти домой, на Александра Невского, в дом, построенный из розового, так называемого «партийного», кирпича. Одно время даже байка ходила на тему о том, что строители поступили правильно, возводя здания для партийной элиты, легко отличимые от всех прочих. Это очень понадобится, когда народ пойдет наконец громить новых господ. Тут уж не спутаешь. Однако время показало, что не тот пошел народ, нам бы лучше поглядеть, как других из танков расстреливают, а чтоб «сарынь на кичку!», так об этом и воспоминаний не осталось. Вот и стоит шикарный дом напротив Белорусского вокзала, и живут в нем все те же высокопоставленные чиновники, бывшие партийцы – ныне яростные демократы. И Ельцын вон в том подъезде жил, а как переехал, говорят, все детям оставил. Молодец, если не ты, то кто о них позаботится? Вот и Ларисин папаша живет тут, имея вполне нормальную четырехкомнатную квартиру. Когда однажды Ларису в приступе обостренной справедливости вдруг занесло в том смысле, что придут ведь и крепко спросят, Аркадий Юрьевич, уже получивший приглашение занять пост вице-премьера российского правительства, но еще не сделавший и шага на новом поприще, пожал плечами и заметил:

– Не нравится? Давай переедем в пятиэтажку, куда-нибудь в Дегунино. Я не возражаю. Но лично тебе будет труднее добираться до работы. Мне наплевать, за мной машина закреплена...

В общем, как понимал Валерий, папаша у Ларисы был вполне нормальным мужиком, и с ним наверняка следовало бы поговорить о делах, творящихся в библиотеке. Правда, знаком он с Аркадием Юрьевичем был, в общем, шапочно. Но в любом случае, если уж вице-премьер окажется бессильным против библиотечной мафии, иными словами и не назовешь, то тогда, как говорят, ваще гаси свет.

На вопрос Валеры, как дела у отца, Лариса лишь раздраженно махнула рукой: мол, занят, не до нас.

– Но ты же, в общем, правильно предложила, что надо бы ему рассказать, в том смысле, что...

– Ах, оставь ты! – поморщилась Лариса, продолжая думать о чем-то своем. – Ты же сам должен понимать, что наши проблемы для него, как лишние... гири на яйца... – При всем своем высоком образовании Лариса иногда бывала грубой, как извозчик. И даже бравировала своей «земляной» лексикой.

– Чего-то не нравится мне вон тот гаишник, который вроде бы как ведет нас, – заметил он задумчиво, чтобы переменить тему да заодно поделиться своими сомнениями. – От самой Мясницкой катит, не отстают. Но мы ж нигде ничего не нарушили. Станный какой-то.

– А может, он видел, как мы вино распивали, и решил, что ты тоже?

– Тогда б уже давно прижал нас... Да ладно, черт с ним. Может, просто показалось. После Марины такое ощущение, будто все время ловлю на себе чей-то взгляд. А оглянусь – никого. А тебе не кажется, нет такого чувства?

– Совсем плохой стал, – с иронией хмыкнула Лариса. – Ладно, приехали, высаживай. Может, поднимешься?

– Нет, наверное, настроения никакого. А ты попробуй все-таки поговорить с отцом. Сам он вряд ли сможет приказать милиции разобраться во всей этой чертовщине с погромом у Марины, но ведь есть же у него кто-то, кто за это дело отвечает?

– Может, и есть, – устало отмахнулась Лариса. – Значит, не поднимешься?

Он отрицательно покачал головой.

– Ну ладно, до завтра, – бросила она, походя чмокнула Валеру в щеку и выскочила из машины.

Валерий подождал, пока она не скроется в подъезде, и «отчалил» в направлении своего дома, на Русаковскую, в Сокольники.

Капитан Воробьев со своим постоянным молчаливым напарником сержантом Криво-ручко, выполняя очередное поручение Павла Антоновича, неторопливо катил за зеленым «Москвичом», сохраняя при этом постоянную дистанцию и не стараясь быть незамеченным. Подобное «сопровождение», знал он, всегда очень нервирует водителя и заставляет его помимо воли совершать ошибки. Что и требовалось. Такая возможность предоставилась на повороте с Русаковской улицы на Маленковскую: «Москвич» махнул налево под желтый. В общем, конечно, особого нарушения тут не было, встречный поток был довольно далеко, но Воробьеву этого показалось достаточно. Тем более что и дом нарушителя уже буквально в двух шагах, свернет во двор – и, считай, ушел.

Быстрым рывком «Жигули» опередили «Москвич» и прижали его к обочине. Капитан неторопливо вылез из машины, враскачку пошел к нарушителю, остановился возле дверцы водителя и, приложив ладонь к козырьку фуражки, небрежно бросил:

– Капэтэ бра-брав, почему нарушаете?

– Что? – изумился молодой парень, сидевший за рулем. – Я ничего не нарушил. А вот почему вы все время следуете за мной? Я вас еще на Мясницкой засек. Что вам от меня угодно?

– Вон какой наблюдательный! – протянул капитан. – Права, пожалуйста. И попрошу выйти из машины. Так, с кем же мы на этот раз имеем дело? – Тон у него был явно издевательский. – Комаров Валерий Ильич, – читал он текст на пластиковой карте водительских прав, подсвечивая себе фонариком, поскольку стало уже довольно темно, а фонари на Маленковской, как обычно, не горели. – Год рождения – шестьдесят шестой, место жительства – Москва. Так. А почему ездите в нетрезвом виде?

– Я? – возмутился Валерий. – Да я за рулем еще ни разу!...

– Вот именно! – перебил его со смешком капитан. – В трезвом виде... А вот мы возьмем да проверим.

– Можете делать любой анализ!

– Понадобится, сделаем и любой. А что это у вас в машине?

Капитан открыл заднюю дверцу и показал на две пустые винные бутылки, торчащие из кармашка чехла.

– Я же говорю: мы ехали с похорон, а в Москве нормальному человеку, если он не жулик, и посидеть, помянуть негде. Вот женщины и выпили сухого вина. Да что я рассказываю, вы ж сами должны были все видеть. Скажете, вру? Можете спросить свидетелей.

– Пройдемте в патрульную машину, – сказал капитан и, открыв в своем «жигуленке» переднюю дверцу справа, предложил Валерию сесть. Все было бы предельно вежливо, если

бы не мерзкий, издевательский тон голоса гаишника и не его злые маленькие глаза-буравчики.

Сержант из-за руля переместился на заднее сиденье, капитан сел на его место, перегнулся к Валерию и, открыв бардачок, стал там шарить. Валерий даже слегка вжался в спинку, чтобы ему не мешать. А дальше все случилось, будто в каком-то кошмарном сне. Сержант резко закинул назад голову Валерия, капитан всем телом навалился на него, схватив за руки, а в рот ему, кровеня губы, засунули бутылочное горлышко, откуда хлынул, обжигая губы, рот, глаза, поток водки. Валерий дергался, задыхаясь, захлебываясь, но железные руки держали его до тех пор, пока бутылка не опустела.

Наконец мучители отпустили его, и Валерий, зарывав в бессильной ярости, сунулся к капитану, но его остановил и отключил сознание сильный удар возле левого уха. Сержант врезал ему рукояткой «макарова».

– Ну вот и порядок, – пряча пистолет в кобуру, заключил сержант. – Ишь какой бойкий выискался... Чего будем делать?

– Хорошо ты его, однако, – заметил капитан. – Сейчас приведем в чувство. – И он стал трясти Валерия, пока тот не разлепил ничего не видящие глаза.

Капитан с усмешкой наблюдал на ним.

– Ну, давай, приходи в себя, не притворяйся, алкаш... Ах, ё! – только и успел выкрикнуть он, как из горла Валерия вырвался поток блевотины, который вмиг уделал обоих гаишников – с ног до головы...

Его доставили в отделение милиции, тут же, рядом, на Гастелло, и, так и не пришедшего в сознание, засунули в клетку-камеру к трем бомжам, собиравшимся было переночевать в подъезде дома, где находится универсам «Сокольники».

Дежурный зафиксировал доставку грязного, заблеванного алкаша, у которого, к слову, не оказалось никаких документов. Но главное было даже не в этом: от патрульных, поднявших его, как они сообщили, из лужи возле входа в указанный универсам, несло словно из общественного сортира или мусорного бачка. Когда он, интересно, успел их-то так отделать? Тут же два шага. Но все свои сомнения дежурный решил оставить при себе. Капитан Воробьев был хорошо известен в округе как быстро поднимающийся кадр, имеющий где-то в верхах мохнатую лапу. Проводить сейчас медицинскую экспертизу дежурный не считал необходимым, нужды не было: от «клиента» так несло, будто он сутки не просыхал. Какая там еще степень опьянения! Ну что ж, кажется, все ясно. Тем более что доставленный алкаш не только не вязал лыка, но даже не мог передвигаться самостоятельно.

Наконец гаишники ушли, и дежурный, преодолев естественную брезгливость, решил посмотреть, что с алкашом, уж больно видик у него страшноватенький, такой еще загнется в камере, и потом ты же виноватым окажешься, а на хрена попу гармонь? Дежурный попробовал нащупать пульс на грязной руке, но счит за лучшее тут же вызвать неотложку из Остроумовской больницы, что находилась рядом, на Стромынке.

Врач неотложки, быстро осмотрев так и не пришедшего в чувство алкаша, увидел «черные очки» и кровотечение из уха. И сразу поставил диагноз: перелом основания черепа. Возможно, так называемая пьяная травма. Шел пьяный, поскользнулся, треснулся с размаху о фонарную, к примеру, тумбу... вон, и след от удара за ухом.

На немой как бы вопрос дежурного милиционера врач лишь пожал плечами:

– Кандидат в покойники... – и развел руками. – Давайте грузить. Только осторожнее, вдруг повезет...

Странно, думал между тем дежурный, вид у несчастного совсем не алкашный. Что же случилось? Впрочем, пусть теперь ломает голову начальство. Но один вопрос продолжал тревожить занозой: с чего это вдруг гаишники доставили в отделение алкаша? Из каких таких добрых побуждений? Совсем непонятно...

Поздно вечером, словно вспугнутая непонятным предчувствием чего-то ужасного, Лариса позвонила Валерию домой. Ей вдруг показалось, что и расстались сегодня они как-то не так, и вроде она, сама того не желая, обидела молодого человека, влюбленного в нее. Но подняла она телефонную трубку не от раскаяния, а от неожиданного ощущения наваливающейся на них страшной беды.

Мама Валерия, Полина Егоровна, сразу узнав Ларису, не проявила никакого волнения, разве что удивилась: а разве Валера не у нее? Лариса почувствовала, как отчаянно заколотилось сердце. Она сказала, что Валерий уехал еще засветло. Ну не так чтоб совсем уж днем, но все-таки... Полина Егоровна тут же начала вслух вспоминать, к кому бы мог заехать ее непутевый сын. Но выходило так, что, судя по его настроению, он мог возвращаться только домой. Лариса, уже успевшая нафантазировать себе самое худшее, постаралась тем не менее убедить старую женщину, что наверное что-нибудь случилось с машиной. Такое бывает. И Валерий с минуты на минуту должен перезвонить. Кстати, и с телефонными жетонами нынче тоже напряженка. Поэтому не стоит волноваться, а надо просто немного подождать. Но сама девушка чувствовала, как под ее ногами будто медленно и неумолимо разваливается земля, раскрываясь бездонной черной пропастью...

Аркадий Юрьевич Лямин, отец Ларисы, будучи человеком сугубо прагматичным, старался всегда поступать таким образом, чтобы в любом его деле присутствовало как можно меньше эмоций. Сферой его деятельности было строительство, а следовательно, сугубый расчет. Вот и приглашение его из уральской провинции в Москву исходило в первую очередь от самого Президента, что в определенной степени подчеркивало его несколько отличное от других вице-премьеров положение в правительстве. Поэтому и просьбы его, высказанные в мягкой, почти дружеской манере, воспринимались поднаторевшими в госинтригах товарищами в качестве указания к исполнению. Аркадий Юрьевич знал это и старался не злоупотреблять просьбами. Вот и к нервическому, почти на грани истерики, требованию дочери постарался отнестись с изрядной долей снисходительности. Молодежь – все у них всегда чрезмерно и совершенно излишне эмоционально. Хотя наверняка все их проблемы, вместе взятые, яйца выеденного не стоят. Но, понимая, что противостоять напору дочери все равно не удастся, вздохнул и приготовился слушать. Настроение было в этот вечер не то чтобы изрядно вон, но, скажем, умиротворенным. Поэтому и первую свою реакцию он мог бы обозначить словом «недоумение». Никак не мог он взять в голову, что за чертовщина творится в этом их богоугодном заведении. Ну, интриги – понятное дело, они, по нынешним временам, даже в общественных туалетах во главе угла. Но чтоб какие-то кровавые «разборки»!... Нет, все это, конечно, преувеличение, эмоции все это, но... Словом, он пообещал дочери попросить соответствующих товарищей поинтересоваться положением дел в «ленинке», тем более что пора действительно заниматься там ремонтом, ну а под этим соусом... Ладно, разберемся, что к чему.

Лариса скоро поняла, что в споре с Валерием оказалась права: все отцовские «да, да» можно было рассматривать лишь как единственно возможный для него способ отвязаться от настырной дочери. И тем отчаяннее прозвучала ее мольба срочно обратиться в милицию. Ведь есть же у него какие-то связи, чтоб узнать, проверить, где может находиться Валерий. Она чувствует, что ему сейчас очень плохо, у нее сердце разрывается от боли...

Ох, молодежь!... Только и оставалось Аркадию Юрьевичу вздохнуть и на ночь глядя тревожить усталого человека.

Борис Вадимович Кашинцев, недавно назначенный заместителем министра внутренних дел, был земляком и сослуживцем Лямина. Вместе пришли в обком партии еще при Самом, обоих теперь и перетащил в столицу Президент, видимо нуждаясь в верных людях. Ну что ж, раньше не подводили, стало быть, не подведут и сейчас. К Кашинцеву мог обра-

титься Лямин, объяснив все в конце концов чисто родительскими чувствами, тот по-приятельски мог понять его.

И действительно, несмотря на уже достаточно позднее время, Борис Вадимович, перекинувшись с новым вице-премьером парой фраз о том о сем, вспомнив недавнее прошлое, пообещал разобраться и перезвонить, если что-то на самом деле случилось.

– Как он хоть выглядит-то? Или во что одет? – спросил, завершая разговор. – Какая у него машина? Номер?

Лямин извинился и передал трубку дочери, которая быстро и толково объяснила заместителю министра суть своих опасений. И при этом не забыла упомянуть о гаишной машине, которая, по словам Валерия, ехала за ними чуть ли не от Мясницкой.

– Ну, это уж мистика какая-то! – засмеялся Кашинцев. – Ладно, спите спокойно. Думаю, завтра все у вас будет в порядке. А он вообще-то кто вам? Жених, что ли?

– Вроде того, – засмущалась Лариса.

– Это что-то новое, – хмыкнул Кашинцев. – Ни за что б не додумался, что появилась и такая форма общения...

Хозяин был очень недоволен. Конечно, случались сложные ситуации у капитана Воробьева, и не раз. Но чтоб такой прокол! Надо было лишь припугнуть этого вшивого интеллигента, заткнуть ему пасть, отвадить от библиотечных дур, требующих учинить вселенский шмон. Простое же дело... Ну а раз уж начали его «мочить», так надо было и заканчивать, и все концы в воду. А получилось ни то ни се: в ментовку сдали, так мало того, еще и в реанимацию сунули. А он очухается – и что дальше?

Впервые Воробьев слушал далеко не благодетельную речь Хозяина, обычно говорившего мягко и со своеобразным таким юморком, от которого, правда, могли и мурашки по спине пошуршать. Капитан понял, что они с сержантом совершили непростительную глупость, и теперь готов был любым способом загладить свою вину. Только не знал, как это сделать, чтоб не оставить следов. Проще всего, конечно, явиться в больницу, натянуть белый халат, найти этого хмыря в реанимации и с ходу заткнуть ему рот. Но могут быть случайные свидетели, а Хозяин требует всегда чистоты исполнения. Не станешь же «мочить» всех подвернувшихся под руку санитарок – старушек этих Божьих.

Трубка сотового телефона, казалось Воробьеву, раскалилась в его руках от напряжения. Наверняка понял это и Павел Антонович. Подумав немного, он сказал уже более миролюбивым тоном:

– Ладно, попробую выручить вас еще раз. Через полчаса стойте возле метро «Сокольники». К вам подойдет мой человек. Я скажу ему, что делать дальше. А вы его слушайтесь во всем. Смотри, капитан, если так дальше пойдет, то будет, как в той песне, слышал, поди? «Никогда ты не станешь майором...»

Через полчаса к их машине подошел невысокий пожилой человек с небольшим баулом. Он молча открыл заднюю дверцу, сел и велел ехать в Остроумовскую. Потом все тем же тоном, не терпящим возражения, приказал капитану пойти в справочную, к дежурному врачу, если таковой имеется, и проявить максимальную заботу о «клиенте», доставленном в больницу сегодня вечером: в каком состоянии, где лежит, какая требуется помощь и все прочее.

Задание было не Бог весть какой сложности, и Воробьев разузнал все необходимое от симпатичной дежурной медсестры, которая не сочла за труд и сама отвела необычно заботливого милиционера в реанимацию и показала бокс, где под капельницей со льдом на лбу лежал тяжело травмированный парень. Посетовав на брэнность человеческого существования и заодно приласкав походя кокетливый задок похотливой медсестрички, Воробьев многозначительно пообещал еще заглянуть, желательно к концу смены, тем более, что транспорт свой, а холостому человеку много ли надо!... С хиханьками да хаханьками проводила

девица молодого капитана на первый этаж, к выходу из приемного покоя, махнула ручкой, мол, до утра, и убежала к себе наверх – продолжать скучное и неблагодарное дежурство.

А в это время наблюдательный милиционер давал полный отчет нарочному Хозяину обо всем увиденном в больнице. Того интересовало буквально все: во что одеты больные, ходят ли сейчас по коридору, есть ли врачи, сколько народу в боксе, чем отгорожены друг от друга, есть ли в дежурке мониторы и так далее. Капитан, как мог, отвечал с максимальной точностью. И сам удивлялся собственной наблюдательности.

Наконец нарочный, как упорно называл его про себя Воробьев, принял решение. Раскрыв баул, он облачился в нечто напоминающее больничную одежду, натянул на лысину белесый парик и надел легкие тапочки. В карманы положил небольшие свертки. Вышел из машины и велел проводить его через приемный покой. Пока сам капитан отвлечет внимание санитаров, он сумеет пройти в больницу. Точно таким же образом его надо будет встретить и вывести ровно через пятнадцать минут.

Чтобы дважды не светиться, Воробьев решил вообще побалакать с санитарями, покурить, перекинуться парой-другой анекдотов.

Между тем пожилой человек, в котором даже его постоянный подельник Витек Куцый вряд ли с ходу признал бы Артиста, приволакивая ногу и сутулясь, поднимался в реанимацию. Мент описал все точно. Артист без труда определил «своего» пациента и, внимательно оглядевшись, шагнул за ширму. Его «дело» заняло в буквальном смысле считанные секунды: блеснула шприц-ампула с галоперидолом, как сказал Хозяин, очень мощным нейролептиком, быстрый укол в трубку капельницы – и пять кубиков стремительно покинули шприц. Через несколько минут после такого оглушающего наркоза последует остановка дыхания. Однако ждать результата своей «работы» Артист не стал. Воровато оглянувшись в коридоре, он быстро проследовал к лестнице и возле заpleванной и полной окурков урны остановился и закурил дешевенькую «приму».

Сделав несколько затяжек, поглядел на свои часы, выглянул в коридор и, не заметив никакой паники, стал спускаться в приемный покой. Капитан болтал с врачами за стеклянной перегородкой. Увидев Артиста, поднялся, отвлекая на себя внимание, и, небрежно попрощавшись, отправился служить дальше.

– Ну, как там? – не удержался Воробьев.

– А ты позвони своей бабенке-то и спроси, можно ли, мол, твоему подшефному завтра яблочков привезти? И вообще как он? Вот и узнаешь. Заодно и про пистон уточни, раз, говоришь, сильно охота ей. Телефон-то есть? Ну и позвони.

– Сейчас надо?

– Мне ничего не надо, я свое дело сделал, а тебе Хозяину докладывывать, вот и соображай. Можешь отвезти меня на Ленинский, к Дому мебели, – причем сказал таким тоном, что у капитана и язык не повернулся возразить.

Сержант Криворучко молча вел машину. Воробьев, сидевший рядом с ним, мучил свой служебный телефон, поскольку хозяйскую трубку предпочитал без особой срочности не занимать. Наконец, после нескольких заходов, когда машина уже пересекала Гагаринскую площадь, ему удалось соединиться с дежурной в реаниматорской. Голос медсестры узнал сразу.

– Ну как твои дела, не надоело дежурить? – поинтересовался Воробьев. – Это я, Дима, ну, капитан, который заходил к вам сегодня. Что, уже забыла? А кто утром со мной собирался? – Он прикрыл трубку рукой и обернулся к Артисту: – Узнала... Слышь, Зинаида, я чего хотел спросить, может, нашему бедолаге фруктов каких-нибудь утречком прихватить? Или еще рано? Он как, спит? Глянь, не сочти за труд... – снова обернулся: – Пошла... О! Бежит!... Ну, чего?

Больше он не произнес ни слова, только выслушал несколько громких криков, почти воплей, за которыми последовали короткие гудки. Медсестра бросила трубку.

– Кранты, говорит, – спокойно констатировал капитан и, подумав немного, спросил у Артиста: – Как считаешь, стоит мне за ней заскочить поутряночке? Как-никак обещал. Да и утешить девочку неплохо бы, а?

– Я б так подскочил, – ответил Артист. – Может, чего путного расскажет. Конечно, оно все вроде чисто, да вдруг найдется, кому в башку стукнет экспертизу проводить. Хотя к завтраму ничего уже в крови не останется. А нынче им не до того. Чего ж, заедь, раз обещал бабе пистон поставить. Да и на будущее – глядишь, и пригодится. Не все ж нам тебя выручать... – И уже когда подъехали к Дому мебели в самом конце Ленинского проспекта и остановились возле подземного перехода, на который показал Артист, тот вышел из машины, но вернулся и, наклонившись к боковому стеклу, приспущенному Воробьевым, негромко сказал: – Хозяин велел передать еще, что дела о той бабе, что нынче хоронили, и об ее убийце, которого изволила убрать ваша милость, объединены в городской прокуратуре в одно дело и, скорее всего, будут закрыты: за смертью, так сказать, убийца. Это к тому, чтоб спал спокойно, поскольку на допросы больше вызывать не будут. Гуляй, капитан, – и неприятно, как-то по-клоунски, засмеялся.

– Трогай, – зло кинул Воробьев своему напарнику.

Машина резко отвалила от бортика.

Глава 6.

Старший следователь окружной прокуратуры Игорь Васильевич Парфенов тоже не спал всю ночь, но совершенно по иной причине. Подсказку Александра Борисовича Турецкого он в полной мере оценил лишь ранним утром, когда приехал домой с Таганки. Он собирався хотя бы немного поспать, побриться и поесть. Но сперва, конечно, смыть с себя этот отвратительный, рвотный запах гари, пропитавший не только одежду, но и волосы, и вообще все тело.

Стоя под горячими, тугими струями душа и словно смывая с себя усталость прошедшей бессонной ночи, Игорь мысленно перебирал цепочку событий, разглядывая каждое и так и этак, а затем, как в детском конструкторе, прилаживая одно к другому. Поначалу они довольно легко укладывались в ту версию, которую походя выдал «важняк». Но ведь всем прокурорским работникам было также отлично известно, что Турецкого, едва ли не с первых его шагов на данном поприще, называли «мастером версий». Говорили, что буквально по любому запутанному делу он мог бы предложить не менее дюжины взаимоисключающих версий, причем каждая из них казалась той единственно верной, которую и следовало разрабатывать. Но это уж такой дар. Как говорят про деньги в Одессе: или уж их есть, или – нет. И тем не менее всем было также известно, что любые, даже самые запутанные, многослойные дела «важняк» завершал в предельно короткие сроки. Чаще всего в таких случаях было обидно: с завидным мастерством выстроенное здание вдруг могло как бы само по себе взять да испариться, не разрушиться, а просто пропасть, находясь уже в недрах судебной машины. То фигуранты, видишь ли, оказываются не по зубам достопочтенной Фемиде, то с легкостью необыкновенной отстреливают наиболее опасных свидетелей, а прочие с завидным единодушием отказываются от своих первоначальных показаний, причем внаглую, словно бы издеваясь, но на самом деле сохраняя свою жизнь, обеспечить охрану которой родное государство попросту не может. Ну а после всего подобного, после неоднократных переносов судебных заседаний, уничтожения исполнителей и благополучного отъезда за границу под подписку о невыезде заказчиков, в конце концов для общего успокоения отпадала надобность и вообще в судебном разбирательстве. Вот последнее и бывало той самой главной наградой, от которой даже такие «важняки» при Генеральной прокуратуре предпочитали читать лекции в различных престижных академиях, да на самый худой, как говорится, конец – возглавлять охранные структуры или юридические службы многочисленных банков, совместных предприятий и прочих ООО.

И еще поразительный факт: чем выше (по своему положению) оказываются обвиняемые, тем наглее и грубее действуют противоборствующие следствию силы, словно зараннее уверенные в полной своей безнаказанности. Действительно, а чего бояться, если тебя открыто поддерживают даже депутаты Государственной Думы! Это с их-то депутатской неприкосновенностью! И это наверху, то есть в тех сферах, на которые распространяется компетенция Генеральной прокуратуры. На нижних же этажах, где обычно бегают «следаки» из территориальных и всяких там окружных прокуратур, порой даже и видимость сурового Закона не ощущается. И не в том дело, что профессиональных кадров не хватает. Тут налицо заколдованный круг: опытных (то есть людей, служащих государству) кадров нет, потому что дела им валят, а платят вообще копейки (хоть и напрочь забыто это слово в русском языке); дела валятся, потому что опытных следователей в спешке заменяют студентами юрфаков, которые после одного-другого прокола уходят в фирмы вслед за старшими товарищами. И так без конца. Главная же беда состоит в том, что все без исключения плюют с высокого дерева на двусмысленные и слабые российские законы. Уголовники, прорвавшиеся в Государственную Думу, и их высокообразованные помощники-юристы с легкостью необык-

новенной пресекают любые поползновения власти, направленные против организованной преступности и коррупции в собственных рядах. А поскольку преступность заметно начала менять формы борьбы за обладание собственностью и, в сущности, за захват государственной власти, новая российская мафия, которой даже старая, проверенная Сицилия годится разве что в младшие партнеры, приняла единственно верное для себя решение: капиталы, накопленные, естественно, преступным путем, должны быть полностью легализованы, а «братки» заменены «белыми воротничками». И в этом и есть главный и великий смысл всеобщего передела на одной шестой мировой суши. Только самозабвенный идиот мог этого не понимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.